

Разия Волохова

ПРИНЦЕССА,

у которой

БОЛЕЛА
ГОЛОВА



Разия Волохова

**Принцесса, у которой
болела голова**

«Автор»

2023

Волохова Р.

Принцесса, у которой болела голова / Р. Волохова — «Автор»,
2023

Если ты видишь чужие чувства, тебя назовут проникательным. Если ты ощущаешь чужие чувства, тебя назовут чувствительным. А если чужая боль отзывается в тебе как своя? А если боли слишком много? Если болит сама земля, пропитанная кровью, отчаянием и пеплом пожарищ? Тогда ты со своим со-чувствием всем только мешаешь. Боль можно выключить, вместе с другими чувствами. Боль можно приглушить. А ещё с болью можно договориться. Но прежде всего, во всём надо разобраться.

Содержание

Глава 1. В которой Принцесса задаёт вопросы	6
Глава 2. В которой Майра не успеваает убежать	12
Глава 3. В которой старухе Нью не удаётся умереть	15
Глава 4. В которой Нью наводит порядок	18
Глава 5. В которой Йон и Ку попадают в карцер	21
Глава 6. В которой Нью рассказывает сказки и исследует окрестности	24
Глава 7. В которой к Василии является призрак матери	29
Глава 8. В которой Йон и Ку исследуют запертые двери и незнакомые пространства	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Разия Волохова

Принцесса, у которой болела голова

- Что за зарево там, на юге? – спросила Принцесса.
- Соседи дерутся. Горят деревни, поля и леса. Хорошо горят. Сушь.
- А люди?
- Как повезет. Кого-то убьют. Кто-то спрячется в лесу.
- Но урожай же сгорит! Как выжившие переживут зиму?
- Многие не переживут.

Глава 1. В которой Принцесса задаёт вопросы

– Папа! – Принцесса ворвалась в малый кабинет, как всегда, без предупреждения. Король играл с министрами в переводного дурака. Камин пылал, вино в бокалах мерцало, у Короля скопилась целая горка выигранных разноцветных леденцов. Его величество обожал игры и сладости. – Папа, нам нужно поговорить!

Король кивнул на кресло и невозмутимо продолжил игру. Если комбинация сложится, четыре валета окажутся перед его соседом справа. Козыря старше у него быть не должно...

Принцесса зачерпнула пригоршню леденцов и устроилась в кресле. Первый министр, которого его величество думал завалить, вдруг достал неучтённую козырную даму и отбил. Король чертыхнулся.

«А меня учат сдержанности и невозмутимости!» – подумала Принцесса. Ей было интересно, как выкрутится отец. Он всегда выкручивался.

Его величество невозмутимо взял подкинутые первым министром четыре шестёрки, а на следующем круге ловко перевёл трех королей. Теперь вопрос был простой: сумеет ли канцлер завалить первого министра или нет? Канцлер справился, Король с невозмутимым видом выложил перед министром торговли рядок шестёрок и придвинул к себе очередную горку леденцов.

– Папа, что там у соседей происходит? – дипломатично спросила Принцесса, оставшись наконец с Королём наедине.

Его величество задумчиво размешивал сахар в остывшем кофе.

– Сосед с севера напал на соседа с юга, – ответил он.

– Зачем?

– Не зачем, а почему. Потому что может.

– А чего он хочет? – Принцесса ненавидела эту отцовскую манеру отвечать иносказаниями.

– Землю, – Король поставил остывший кофе на стол и плеснул в рюмку коньяку со Змеиногорского мыса. – Воюют всегда из-за земли. Как бы это ни называлось.

– Но там же всё жгут! Поля, сады... Зачем ему выжженная земля, да ещё и без людей?

– Амалия, – рассмеялся Король, – ну подумай немножко стратегически. Пепел – прекрасное удобрение, через пару лет там будет хороший урожай. Сады тоже восстановятся. А люди... новые придут. Или старые вернуться, из выживших. А Северное королевство станет больше размером.

– Это... жестоко, – проговорила Принцесса.

– А что делать, – пожал плечами Король. – Государственное управление – это тебе не птичек с бабочками разводить. Государство должно развиваться.

– Птички, между прочим, едят бабочек. Но мы же... – Принцесса тщетно пыталась утопить в какао зефирки. – Ты же вон ни на кого не нападаешь.

– Ну у нас своей земли полно, ещё не освоенной. Предки постарались, – поморщился Король. – А потом, ты никогда не думала, почему Северное королевство напало на Южное, а не на нас?

– Они вроде обиделись на южан, – неуверенно проговорила Принцесса.

– Ха! – хмыкнул Король. – Попробовали бы они обидеться на нас!

– Ну мы же вроде никого не обижаем! Папа! Прекрати смеяться! Я серьёзно! – возмутилась Принцесса.

– Ну дочка, ну совсем ты там у своей Ведьмы в школе заучилась! – продолжал хохотать Король. – Думаешь, на нас не нападают, потому что мы хорошие? Нет, девочка, – продолжил он, чуть успокоившись. – На нас не нападают, потому что у нас стало лучше, чем у соседей, инженеров мы сманили отовсюду, откуда только смогли, и теперь наши тараны и пушки знают

все ближние и дальние соседи. И вечно пытаются украсть чертежи. Про Дракона тоже не забывай. У него, конечно, нейтралитет, но, сама понимаешь...

– То есть это всё из-за оружия? – Принцесса погрустнела.

– Не только, – успокоил её Король. – Вон наши плуги и бороны тоже раскупают как пирожки. А механизмы всякие? И зачем нам тут война, если мы производством и торговлей себе всё, что хочется, организуем.

– А Северное королевство? – Принцесса отчаялась утопить зефирку, выловила её ложкой и сунула в рот.

– У них другая философия. Инженеров растить долго, производство налаживать дорого, а соседские земли – вот они. Северный король их захватит, и молодец! Победитель! Все его любят и восхищаются.

– Ну папа! Так же нельзя!

– Что ты от меня хочешь, дорогая? – Король устало развёл руками. – Чтобы мы ввязались в эту войну? Чтобы ещё и наши солдаты там полегли?

Зефирка показалась Принцессе безвкусной, как размокшая бумага.

– Нет, наверное, не хочу, – призналась она. – Но нельзя же просто смотреть!

– Нельзя, – Король вздохнул.

Верховная Ведьма умела морщиться ничуть не хуже Короля. Особенно заслышав шаги Принцессы. Принцессы – неистощимый источник неприятностей. Вечно пытаются исправить мир по своему разумению. Никакой скромности и почтения к старшим. Страшно подумать, что придёт в эту рыжую голову и что из придуманного она воплотит в жизнь. Особенно если удастся привлечь на свою сторону Принца из Королевства-за-горой. Его высочество явно неравнодушен к неугомонной соседке.

Верховная Ведьма вздохнула и набралась терпения.

– Ваше высочество, люди вечно воюют, и с этим ничего не поделаешь. Осторожно, здесь ценные бумаги, постарайтесь их не поджечь. На третьем году обучения уже пора научиться владеть собой.

Всё-таки было в Доме-посреди-леса что-то такое, что провоцировало выбросы магии. Во дворце, например, Принцесса выглядела вполне обычно – сдержанная, воспитанная, невозмутимая. А здесь любая вспышка гнева сопровождалась искрами, а то и языками пламени самых разнообразных оттенков.

– Присядьте, ваше высочество, выпейте горячего отвара с мёдом. Он поможет.

Принцесса села на стул с высокой спинкой и пригубила ароматное питьё.

– Благодарю, – чопорно проговорила она. – Но это не отменяет ужаса происходящего.

– Не отменяет, – кивнула Ведьма. – А что вы от меня хотите? Будем честны: именно в таком ужасе у ведьм и колдунов прорезается необыкновенный дар.

– Чудовищно!

Верховная Ведьма еле успела сбить очередной язык чёрно-фиолетового пламени с рукава своего платья.

– Прошу прощения! – На самом деле, ярость Принцессы никуда не делась. Она набрала в грудь побольше воздуха и надула щёки. Если пламя какое-то время не выпускать, оно погаснет. Главное, не выдохнуть раньше времени.

Ведьма смотрела на эти упражнения без одобрения. Где утонченность и изящество?

– Вы ищете в этой кровавой каше особо сильных ведьм и колдунов? – уточнила Принцесса.

– А что вы предлагаете? Заменить головы целому королевству, которое не умеет ничего создавать, только отбирать у других? Защищать всех имевших неосторожность жить рядом

с таким соседом? Нет, Принцесса, лучшее, что мы можем делать, – спасти своих. И не забудьте, – добавила Ведьма, помолчав. – Если в войну вмешаются ведьмы, первое, что сделают люди, устав воевать, – зажгут новые костры. Виноватыми в войне снова станем мы, Принцесса. Допейте, пожалуйста, отвар, пока он горячий.

Принцесса послушно отхлебнула. Чашка в ладони покрылась изморозью, а затем треснула.

– Совсем собой не владеет, – пробурчала Ведьма, смахивая иней с кресла, когда за Принцессой закрылась дверь.

Принцесса заглянула на кухню и стащила тарелку пирожков и кувшин компота. Домовые честно прикрывали глаза ладошками. Считалось, что ученицам нечего делать на кухне: для них существует столовая. Принцесса подмигнула домовикам и сыпанула на стол горсть карамелек. На столе возник маленький горшочек.

– Спасибо, – сказала Принцесса. В горшочке поблескивал рубиновыми искрами малиновый джем.

Дом-посреди-леса снаружи выглядел как избушка на лесной полянке в окружении небольшого сада. Внутри же без особой тесноты обнаруживались все необходимые для обучения молодых ведьм помещения, включая классную комнату, лабораторию, оранжерею, библиотеку, столовую и комнату отдыха. Плюс каждой обитательнице полагалась спальня, соответствующая её представлениям об уюте. В комнате Принцессы стены были бревенчатыми, мебель – тёмного дерева, камин выложен речными камушками, и повсюду раскиданы коврики, подушки и подушечки. А с кровати открывался вид на огромный дуб, в дупле которого каждое лето пара филинов выводила трёх-четырёх птенцов.

Почему какие-то окна выходили в сад, какие-то – в лес, какие-то на озеро с кувшинками, а из кабинета Верховной Ведьмы вообще открывался шикарный вид на горные пики, рассказывали ещё на первом году обучения, но Принцесса не очень интересовалась организацией пространства.

Она зажгла камин и устроилась с подносом на подушках перед огнём. Внутри ревело почти так же, как в камине, а снаружи сковывало холодом. О сне не было и речи. Надо было подумать.

Отношения с чужими чувствами у Принцессы были сложными. Впервые она увидела слабое свечение у учителя танцев – противный зеленовато-коричневый оттенок. Потом оказалось, что нежные отношения учителя с одной из фрейлин стали известны министру-церемониймейстеру. Принцесса любила зелёный. То, что зелёным бывает страх, стало для неё открытием.

Ярость светилась малиновым с отливами чёрного. Так вспыхнул посол Северо-Западного королевства, когда узнал, что драконья сталь не экспортируется. Король ничего не заметил – посол прекрасно владел собой.

Горе светилось коричневым. Боль – стальным. Радость – солнечным.

Это была забавная игра, особенно на приёмах: Король с интересом прислушивался к мнению дочери. Никто не обращает внимания на маленькую девочку, даже если эта девочка Принцесса. А его величество приобрел привычку каждый вечер перед очередной сказкой на ночь расспрашивать дочку о впечатлениях. Сам он вполне справедливо считал себя бесчувственным сухарём, а Принцесса явно пошла в матушку, облака ей периной! Та тоже всегда знала, кто и о чём печалится.

И всё шло прекрасно, но однажды Принцессу прихватил озноб прямо посреди бала. Танцевать ей ещё не полагалось, она сидела в кресле рядом с Королём и разглядывала вразной подпрыгивающую толпу. Вдруг посреди разогретой бальной залы её начал бить озноб. Сначала

Принцесса подумала, что переела мороженого. Потом, что зря утром бегала купаться в повесенному студёной реке.

Но стоило ей встать и отойти от кресел, как всё прошло. На другом конце залы, рядом с музыкантами, было привычно жарко и душно, от озноба не осталось и следа. Принцесса шепнула дирижеру, что его величество предпочитает что-то более напевное – наглое враньё, но ей ужасно надоел этот топот! – и направилась назад, к Королю.

Она прошла больше половины залы, когда озноб заворочался где-то под шеей, потом ручейками разбежался до самых пальцев. Принцесса остановилась и принялась разглядывать ближний круг Короля.

От всех веяло прозрачно-молочной скукой. Почти от всех. Светился бледно-салатовым министр торговли. Он, не отрываясь, смотрел на одну из дебютанток, кружащуюся в самом центре толпы.

Принцесса вышла в сад и сотворила хрустальный купол – заклинание, покрывающее создательницу оболочкой, похожей на ледяную корку. Под куполом было душновато, зато внутрь не проникало ничего, кроме лучей света. Звуки тоже проникали, но очень приглушенно. В этой оболочке можно было стоять посреди костра и не испытывать ни малейшего неудобства.

История министра торговли оказалась забавной и немного грустной, а Принцесса поняла, что от наблюдения за чужими чувствами она перешла к со-чувствию. И что с этим нужно что-то делать.

К счастью, большинство придворных редко испытывали сильные чувства. Но однажды Принцесса, зазевавшись, чуть не вспыхнула, влетев в малый зал для аудиенций, где его величество обсуждал текущие дела с канцлером и тремя его помощниками. Один из помощников так пылал ненавистью, что купол показался Принцессе не настолько надёжной штукой.

Сильное беспокойство отзывалось мелкой противной вибрацией в ладонях и в животе. Ужас сковывал ледяным панцирем.

Боль впервые залила голову раскалённым чугуном ручьём, когда лошадь затоптала одного из конюхов. Лекарю пришлось отрезать конюху ногу и заковать в лубки правую руку. Принцесса ещё удивилась, почему у неё болит именно голова, а не нога. Поначалу, когда конюх не спал, напившись отвара с маковой настойкой, подойти к его жилищу без купола Принцесса могла не ближе, чем на сотню шагов. Это длилась три дня, а потом конюх и Принцесса почувствовали облегчение.

Следующий приступ боли накрыл Принцессу возле кухни – она как раз спустилась пополнить запас сахара перед конной прогулкой.

Теперь поток свинца обладал ещё и челюстями, которые вцепились в голову где-то в середине затылка. Принцесса испугалась, что отвратительная вязкая лужа проест дырку в голове, но та просто прихватила содержимое головы и периодически пожевывала, так что боль и натяжение отдавались спереди, чуть повыше бровей. У кухарки ноги и руки были на месте, а сыновья... Один был просто дурачок, а второй... Рядом с ним Принцессу накрыло таким жаром, перемежающимся ознобом, что она позорно сбежала, сославшись на королевские дела. Юношу отправили матросом на торговый корабль с самым длинным маршрутом, в надежде, что вдали от дома он пересмотрит свои взгляды на жизнь. А Принцесса сделала вывод, что родительская любовь причиняет страдания не хуже, чем любовь романтическая.

Со временем Принцесса заменила заклинание купола заклинанием покрыва – оно меньше приглушало остальные способы восприятия. Но и под покрывом Принцесса чувствовала себя завернутой в ватный кокон. Она совершенствовала покрыв, сейчас его можно было носить несколько часов, не чувствуя удушья, при этом хорошо видя и слыша, но с запахами и при-

косновениями всё ещё оставались проблемы. Да и уставала она от покровов ужасно. Дело тренировки, конечно.

Принцесса попробовала поговорить с Верховной Ведьмой, но та отмахнулась, напомнив, что телепатию они будут изучать только через два года. «Рано вам ещё, ваше высочество, в чужие умы заглядывать». Приходилось справляться самостоятельно.

Сейчас горячее пятно боли, страха и ненависти въедалось в затылок, стоило сбросить покров. Для сна Принцесса придумала сонное одеяло – укрываешься с головой и выключаешь всё, что снаружи, это позволяло высыпаться, но делало её беззащитной. Не то чтобы она кого-то или чего-то всерьёз опасалась, но всё-таки.

Для Принцессы оказалось новостью, что чьи-то чувства она слышит на большом расстоянии. Объяснение лежало на поверхности: слишком много. Боли, ужаса и ненависти было слишком много. «Как они не прожигают дырку в воздухе? – иногда думала она. – Ну не может же там быть и вправду так ужасно, – честно пыталась она спрятать голову в песок. – Люди же, такие, как мы!» Увы, выводы из подобных размышлений следовали всё менее и менее приятные. И Принцесса решила, что выход один – разобраться. Сколь бы болезненным ни казалось приближение к этому очагу. Но для начала стоило поговорить ещё с двумя собеседниками, которые хорошо разбирались в войнах.

– Принцесса, чего вы хотите? – Принц не морщился, как Король и Ведьма, но головой качал вполне выразительно. – Только формулируйте точно.

– Хочу, чтобы людей перестали убивать.

– Тогда самое простое – помочь северянам как можно скорее завоевать Южное королевство. Чем меньше сражений, тем меньше смертей. Мирных жителей это тоже касается.

Принцесса чертыхнулась. Они с Принцем встречались на Заповедной горе – прямо на границе между их королевствами. Тут водились редкие животные и егеря, готовые за разумную плату провести путника по заповедным тропам и даже вывести его назад. Внизу ютилась деревня с парой тракторов, где предлагали вкусную еду – самым большим успехом пользовался рагу «Бедный рыцарь» и похлёбка «Причуда водяного» – местные легенды и встречу с егерем. Если отправиться вверх не по широкой дороге, а по узенькой крутой тропинке, то при определенной настойчивости можно выбраться на небольшое плато с видом на Драконью гору. Там, среди камней, стояла небольшая хижина – приют пастухов и странников.

Принцесса сидела на любимом плоском валуне, болтая ногами над обрывом. Принц давно махнул рукой на попытки её взрумить. Он надеялся, что Ведьма успела научить строптивцу если не летать, то хотя бы смягчать падение.

– Но ведь это неправильно!

– Вы не спрашивали, как правильно, вы спрашивали, как сделать так, чтобы людей перестали убивать, – сухо заметил Принц. – Постарайтесь обозначить своё желание поточнее.

Принцесса швырнула в пропасть пару камешков.

– А как правильно?

– Смотря чего мы хотим добиться. Прекратить бойню проще всего именно так, но, победив южан, Северянин возомнит себя непобедимым и продолжит нападать на соседей. Ваше королевство ему не по зубам, но соседи на западе не так сильны. Они могут заключить союз, но если Северянин наберёт рекрутов в Южном королевстве, у него хватит сил если не завоевать, то хорошенько потреть их всех.

Принцесса молча швырнула ещё пару камней. Первый полетел вниз, а второй завис в воздухе, а затем вспыхнул и разлетелся мелкими оранжевыми брызгами.

– Чёрт! – сказала Принцесса. – А как его остановить?

– Вступить в войну, – вздохнул Принц. – И разбить. Не смотрите на меня так, моё королевство маленькое, и армии у нас ровно столько, чтобы охранять свои границы. Да и расположены мы удачно – к нам, минуя вас, не доберёшься. Разве что через Драконий перевал, но там и большую армию легко заблокировать, даже если Дракона на месте не окажется. Так что мы в войну не вступим. Ваш отец тоже, он слишком дорожит своими людьми и слишком не любит воевать.

Камни один за другим взлетали над пропастью и взрывались бордовыми искрами, пока самую последнюю не поглотил закат. Тогда Принцесса разрыдалась.

– Драконы рождаются посреди войны, – проговорил Дракон.

– А я думала, они вылупляются из яйца, – заметила Принцесса.

В пещере на Драконьей горе было уютно, особенно когда снаружи поливал дождь. В очаге полыхал огонь, над ним грелся огромный пузатый чайник. В кладовке нашлись свежие булочки с цукатами. Шкура Дракона поблескивала разными оттенками зелёного: от травянисто-весеннего до цвета июльской листвы. Дракон ливанул в чашку размером с бочонок полжбана сливок, добавил пару черпаков мёда и хорошенько размешал. Он был сладёной с самого рождения.

– Из яйца, – кивнул он. – Но яйцо должно хорошенько нагреться. Пламя войны – самое подходящее. Ещё подойдёт извержение вулкана...

– И дыхание мамы-драконихи, – закончила Принцесса. – Есть такой предмет – драконоведение. Там про вас много чего рассказывают.

– Интересно послушать, – Дракон отхлебнул сладкий напиток и довольно облизнулся. – Может, дадите полистать учебник?

– Дам, если пообещаешь не сжигать. Там и глупостей достаточно. Например, про то, чем вы питаетесь...

– Разным, – пробурчал Дракон. – У драконов очень разные вкусы, если хотите знать. Есть даже такие, кому рыцари нравятся. Если их подкупить хорошенько.

Принцесса прыснула, а потом снова погрустнела.

– Надо прекратить войну.

– Кому, Принцесса? Кому надо?

– Мне. – Принцесса выдохнула черный язычок пламени, а потом рассказала Дракону про покров и всё остальное. Дракон слушал, прихлёбывая из чашки.

– Угм... – прокомментировал он. – А не проще ли всё-таки доработать покров, сделать из него что-то вроде заплатки на определённые воздействия? Думаю, мы и без Ведьмы справимся, надо только в книжках покопаться. Вообще, задачка интересная.

Принцесса лежала на подушках прямо перед очагом и, не отрываясь, смотрела на огонь. Когда пауза затянулась и Дракон собрался было тронуть когтем свернутую бубликом рыжую косу, коса вздрогнула и затряслась. Вместе с плечами и закутанной в шерстяное покрывало спиной. Дракон вздохнул, покачал кончиком хвоста и достал из шкафа бутылку с надписью «Гореутоляющее». Осторожно вытащил из-под трясущейся ладошки чашку, капнул туда ровно одну капельку и плеснул сверху воды из чайника. Поболтал, понюхал и добавил мёда.

– Вот, Принцесса, это поможет. На какое-то время.

Принцесса взяла чашку, взгляделась в болотного цвета жидкость и покачала головой:

– Это не поможет. Я же всё равно буду знать, что там умирают. Надо прекратить войну.

– Но Принцесса, вы же не ждёте, что я спикирую посреди битвы и разгоню всех по домам? Я, конечно, силён, но не настолько.

Принцесса покачала головой. Но взгляд её из затравленного стал задумчивым.

Глава 2. В которой Майра не успевает убежать

Пахло гарью, железом и сырой землёй. Оглядевшись, Принцесса скинула покров. Здесь не было никого живого. Только мёртвые на бывшей пашне. И на бывшем заливном лугу. Бой закончился совсем недавно: тела ещё не успели убрать. «Их же должен кто-то похоронить! – думала она. – Не могут же они остаться вот так...»

Принцесса направилась к дымящимся остаткам когда-то большой деревни.

«Тут ни мёртвых, ни живых. Где же?»

Из-за чудом уцелевшей половины стены вышла женщина. Вернее, девушка, не старше Принцессы, покрытая копотью, в разодранном тёмно-синем платье. Из-за стены раздался младенческий писк.

– Они ушли? – спросила девушка. Взгляд её блуждал.

– Живых там нет, – ответила Принцесса. – А вы?

– В погребе. Не успели убежать. – Девушка кивнула в сторону леса.

– Ваши... все там? – спросила Принцесса.

– Кто не добежал, – голос девушки был ровным, взгляд продолжал блуждать.

– Они вернуться? Те, кто в лесу?

– Они ушли. Мы тут одни, – девушка задрожала. Принцесса сняла плащ и накинула его на трясущиеся плечи.

– Как тебя зовут? – спросила она.

– Майра.

– С тобой в погребе ещё кто-то был?

Детей было трое: полугодовалый младенец, мальчик лет девяти и семилетняя девочка. Отца забрали в солдатский обоз, как и всех мужчин. Мать умерла последними родами. За сиротами присматривала тётка, сейчас она лежала в поле, с другими недобежавшими.

Принцессу усадили на бочонок. Девчушка принесла горшок с засахаренным вареньем. Мальчик гонял по едкой луже покрытые белой плёнкой и зонтиками укропа огурцы. Пахло дымом и рассолом.

– Я уведу вас, – сказала Принцесса. – Прямо сейчас.

– Сейчас нельзя. – Майра уже не дрожала, но взгляд её продолжал блуждать. – Наши...

Их нельзя вот так... нужно похоронить.

На когда-то главной улице дорогу им преградила тень: высокий парень, такой же закопченный и потерянный.

– Владик, – неожиданно ласково сказала Майра. – Иди к нам в погреб.

– Нет, – голос парня оказался странно высоким. – С тобой. Не уходи!

Майра кивнула и взяла парня за руку.

– Пойдём отыщем их.

Принцесса сорвала с обгорелой яблони пригоршню ещё зелёных листочков и протянула Майре:

– Положи по листочку на глаза, а дальше я сама. Кладбище за церковью?

– Да, – Майра махнула в сторону груды обгорелых брёвен, окруженной разорёнными цветочными клумбами.

– Разложи листочки и приходи туда.

Могилы были ровными, как и гробы, сотворённые на скорую руку. Принцесса не стала объяснять, что дерево не настоящее, да Майра и не задавала вопросов: ни как тела оказались на кладбище, ни как там, без всяких заступов, появился рядок ровных могил, ни откуда взя-

лись добротные дубовые гробы. Они с Владиком поцеловали в лоб каждого односельчанина и положили им на грудь по цветку из тех, что уцелели в сгоревших садах. Принцесса взмахнула рукой, и гробы закрылись крышками, а затем опустились в могилы и засыпались землёй.

– Вы с ума сошли, Принцесса! – проревел Дракон. – Зачем мне здесь люди? Да ещё маленькие!

– Прости, – устало сказала Принцесса. – Я просто не знала, куда их отвести. Может, в соседней деревне их примут?

На плато перед пещерой горел костёр. Дети резвились среди камней, Майра, завернувшись в принцессин плащ, сушила выстиранную в горной речке одежду. Владик раздеваться отказался и теперь бродил между камней, всё такой же перемазанный сажей. Младенца уложили на вытащенные из пещеры подушки. Принцесса успела принести из деревни молоко и корзинку пирогов.

– Отведите их во дворец. Там места полно, – посоветовал Дракон.

Принцесса покачала головой:

– Это только одна деревня. А сколько их всего? Надо найти надёжное место.

– Так вот в чём дело, – приподнял чешуйчатые брови Дракон. – Вы намерены организовать лагерь беженцев? На моей горе?

– Нет, – успокоила его Принцесса.

Дракону она рассказала не всё. С момента встречи с Майрой у неё перестала болеть голова.

Принцесса была уверена, что заснуть не сможет, но заснула сразу, едва коснувшись головой свёрнутого плаща. Спали под телегой с брёвнами, прикатившей из деревни. Строить дом решили на соседнем плато, по которому протекала узкая горная речка. Дракон успел поворчать, пару раз дохнуть чёрным дымом, а потом махнул лапой, взяв с Принцессы обещание не водить своих подопечных к его пещере. «Особенно детей!» – с ужасом проговорил он. Принцесса только хихикнула.

Дом строился быстро, куда быстрее, чем строятся обычные дома. Тут и деревенские спешили – плата была хорошая, но в начале лета дел всегда по горло. И Дракон, которому надоело отгонять от горы дождевые тучи, – навес, сооруженный на скорую руку, от хорошего ливня никого не защитил бы. А прятать компанию от дождя в своей пещере Дракон считал моветом. Но самое главное, малоразговорчивый и чурающийся незнакомых людей Владик оказался отличным строителем. Сначала он помогал деревенским, потом начал подправлять и улучшать. По вечерам, когда строители отправлялись в деревню, он зажигал в недостроенном доме масляный фонарь и стучал молотком и топором до глубокой ночи.

– У него отец был плотником, а дед по матери – каменщиком, – объясняла Майра. – Владик вечно крутился возле них. Перенял. Они его не гоняли, как другие.

– Другие? – удивилась Принцесса.

– Мальчишки. И взрослые тоже. Он же странный. Говорит еле-еле, играет сам с собой, а иногда кричит, если напугается. Его так в солдатский обоз не забрали: он кричал, а солдаты решили, что в него вселилась баньши.

Принцессе казалось странным всё происходящее. И то, что её по несколько раз в день гоняют за водой к речке. И то, что она, Принцесса, научилась варить кашу и печь лепёшки в грубо сложенном очаге прямо под открытым небом. И то, что Майра обжила небольшое плато и командовала каждым, кто тут оказывался, включая её, Принцессу. И то, что дети, Мик и Лу, носились по плато как носятся обычные дети. А она сама регулярно сбегала от скучных дел вроде сбора хвороста и носилась вместе с ними. Она научила их играть в прятки, а Мик её

– в чухи, в его варианте деревянные фигуры расставлялись не на земле, а на камнях разной высоты.

Но самым странным было то, что головная боль и чувство ужаса проходили именно здесь, рядом с Майрой. Свинцовая лужа на затылке как будто разжимала челюсти и съёживалась в незаметный комочек. Почувствовав такое впервые, Принцесса помчалась к Дракону убедиться, что война остановилась. Но стоило ей покинуть плато, как комочек разбух до полноценной лужи и вцепился в затылок с удвоенной яростью. Дракон покачал мордой и посоветовал присмотреться к гостям. Принцесса занялась экспериментами – утаскивала гостей по одному к деревне и проверяла ощущения. Майра проявила себя сразу. Немного смягчала боль Лу, но совсем немного. Мик и Владик ничего в поведении зубастой твари не меняли.

Принцесса таскала воду, играла с детьми, даже пару раз нянчилась с малышом Динь, но последнее оказалось непосильным испытанием. Над её растерянностью хохотала даже маленькая Лу. А Принцесса подарила ей свой шелковый шарфик, чтобы смастерить платье для тряпичной куклы. Убегая в погреб, Лу умудрилась спрятать куклу в своём огромном переднике. Принцесса вдруг вспомнила, что тоже любила играть в куклы. «Куклы куда приятнее младенцев», – признавалась она самой себе.

С домом тоже всё шло не так. Принцесса была готова побить себя по голове за то, что не прихватила из Дома-посреди-леса конспекты по организации пространства. Приходилось копаться в библиотеке у Дракона, а там была довольно специфическая подборка книг. О чём она думала на таких полезных занятиях?

– Он меня совсем не слушается, – жаловалась Принцесса Дракону. – Я направляю пространство в одну сторону, а оно берёт и закручивается. Или распадается на несколько веточек. Вечером сделала одно, вроде стабилизировала, утром прихожу, а там уже всё поменялось. И как мы в таком упрямом доме будем жить?

– А вы не пробовали с этим парнем странным договориться? – посоветовал Дракон. – Два организатора пространства в одном доме...

– Так это он? – подскочила Принцесса.

– Как вы спрятались от солдат? – спросила она Майру как-то вечером, когда дети спали. – Они заходили в ваш погреб. Там было всё вынесено и дверь сломана. Почему они вас не тронули?

Майра поёжилась и протянула ладони к огню.

– Не знаю точно. Мы спрятались в дальний угол, я всё боялась, что Динь запищит. Сидела и повторяла про себя: «Нас здесь нет, нас здесь нет! Вы нас не видите!» Ну они забрали, что могли, и ушли. На нас даже не взглянули.

Мысли Принцессы потекли в другую сторону. По слухам, вполне достоверным, сейчас армия северян быстро двигалась к центру страны. На послезавтра намечалось большое сражение.

Глава 3. В которой старухе Ню не удаётся умереть

Старуха Ню собралась умирать. Здесь её уже ничего не держало. Сына забрали в солдатский обоз. С ним она мысленно попрощалась: деревенские, да ещё и немолодые, в солдатах не выживали. Тем более, когда дома никто не ждёт, кроме старухи-матери. Дочь давно вышла замуж и перебралась в город. Внуков Ню видела пару раз и не очень-то о них печалилась. «Городские!» – думала она, кривясь. Город она не одобряла: судя по тому, что ей приходилось слышать, ничего хорошего в городе не было.

Корову она уже месяц как свела к соседке слева, как раз после солдатского обоза. Сейчас загнала к ней двух коз и стаю гусей. Кур пока решили оставить в курятнике, с тем чтобы соседский молодняк прибежал их кормить. Теперь она в окошко видела, как рыжий малец прыгает во двор прямо через плетень. «Привык потому что яблоки таскать!» – ворчала Ню. Соседская мелюзга её яблоки очень уважала, самой же Ню обобрать весь сад давно было не под силу. Но грозить воришкам клюкой и выкрикивать проклятья, глядя на их сбитые сверкающие пятки, было приятно.

В ответ соседка каждое утро присылала с тем же рыжим кувшин молока, горшок каши и краюху хлеба. И дала слово забрать старухиногo кота. Сейчас кот категорически отказывался покидать дом, отлучаясь только ради охоты: он был потомственным крысоловом, а молоко рассматривал как приятное дополнение.

Старуха Ню лежала в кровати и слушала грохот пушек. Молока сегодня не принесли. Ню надеялась, что все схоронились в лесу. Хотя в общем-то ей было всё равно: односельчан она не особо любила, а соседку слева даже немного презирала за крикливость и излишнюю плодовитость. «Ну куда ей столько ртов?» – возмущалась Ню, глядя на очередного младенца, привязанного платком к упрямо-прямой спине. Но молока и мёда в кашу соседка не жалела.

Сейчас, кроме пушек, ничего слышно не было. Кот опасливо забрался на старухину подушку. Ню закрыла глаза и принялась ждать смерти.

– Брысь! – Кот мявкнул, зашипел и метнулся в открытую дверь. – Здесь кто-то есть!

Ню передумала открывать глаза и постаралась пореже дышать. Смерть смертью, но клинок в грудь – это очень неприятно.

– Старуха. Мёртвая. Пошли отсюда! – голос почти мальчишеский. Но запах пота, дыма и железа ни с чем не спутаешь.

– Нет! – это другой, постарше, но тоже юнец. – Смотри, тут кружева в сундуке. Надо всё проверить, всё равно сгорит.

Ню внутренне скрипнула несколькими сохранившимися зубами. Кружева она плела уже на ощупь, на приданое внучкам, если когда-нибудь свидятся. Когда-то Ню считалась знатной кружевницей, но со временем глаза начали её подводить. Пока эти двое лазали по дому и вытаскивали во двор всё, что можно вытащить, она лежала тихо, надеясь, что уж кровать под мёртвой они потрошить не станут. И не зря: к её углу малолетки приближаться побоялись.

Наконец они ушли, громко хлопнув дверью.

Ню села в кровати. В приоткрытое окно тянуло дымом. Пушечного грохота больше слышно не было. Вообще ничего не было слышно.

Ню поискала шаль, шали не было. Платья и передника тоже – всё утащили юнцы. Ню плюнула им вслед и завернулась в вязаный плед, которым укрывалась поверх одеяла.

Дверь скрипнула, и в щель просунулась грязная ладошка с обкусанными ноготками.

– Уса, ба Уса! – проговорили из-за двери.

Ню чертыхнулась и поковыляла к двери. Так и есть. Пара сопляков четырёх лет из второго дома справа. Мамаша там всегда была непутёвая, а после того, как плотника, её мужа, забрали в обоз, совсем запустила своих отпрысков. Брат с сестрой прибежали к Ню почти каж-

дый день и уничтожали всю кашу, которую присылала соседка слева. Ню брезгливо морщилась, и в конце концов приучила их мыться в кадучке, прежде чем приближаться к горшку.

Но сейчас кадучка лежала разбитая, а воды не было.

– Куда подевалась ваша мамаша? – проворчала Ню, глядя на две перемазанные мордочки. Малыши дружно заревели. Впрочем, Ню и сама всё поняла: раз матери нет, значит, её нет совсем. Непутёвость непутёвостью, но детей она бы не оставила. – Всё, замолчите! – прикрикнула она. – Надо спрятаться.

Деревня горела, клубы дыма поднимались с севера и с юга, но до их улицы огонь пока не добрался. Пустые дома рьяно обыскивали солдаты-северяне.

– Пойдём к восточной околице, – объявила малышам Ню. – Там они уже всё обыскали. Может, повезет, пересидим в овраге. – Малыши молча таращили на неё испуганные глаза. – Всё, побежали, – объявила Ню. – Воображаем, что мы – клочок дыма. Молчим, не спотыкаемся, не ревём.

Она заковыляла по улице, сжимая в каждой руке по ладошке.

На Морковной улице на завалинке сидел дед Вью и курил трубку. Улица казалась свободной, как будто северяне сюда ещё не дошли. Дед Вью был старше Ню и такой сгорбленный, что над плечами торчала только блестящая макушка.

– Пойдём с нами, Вью, – проговорила Ню, пытаясь отдышаться. – Они тебя убьют.

– Не пойду, – проскрипел Вью. – Мне уже всё едино. Убьют – грех на них. А ты беги, спасай малышню. Им жить ещё.

– Какая уж тут жизнь! Смерть одна вокруг. Пойдём, Вью, помереть всегда успеем, а там, глядишь, ещё разочек на солнышко поглядим.

– Не будет солнышка в таком пожарбище, – мотнул бородой Вью. – Беги, Ню, я сдержу их, уж как смогу. Сбереги ребятню. И себя сбереги.

Ню взяла малышей и поковыляла дальше, к восточной околице.

Дымом затянуло всё вокруг, дети кашляли, у самой Ню першило в горле, но солдат тут уже не было. Направление Ню теперь выбирала по наитию.

– Чёрт бы вас подрал, это моя деревня, я не могу тут заплутать! – бормотала она себе под нос.

Но они плутали, так как ни одной приметой, ни одного дома Ню разглядеть не могла. Она ковыляла вперёд, волоча тяжело пыхтящих детей, упрямо представляя себе прохладный, вечно тенистый овраг с ледяным ручейком на дне, журчащим по скользким разноцветным камушкам. Пока не поскользнулась и не свалилась кубарем в тот самый ледяной поток. Камни при ближайшем знакомстве оказались далеко не гладкими.

– Чёрт! – проговорила она и начала пересчитывать свои кости. Чудо: ничего не сломалось, хотя спина разогнулась с большим трудом. Выше по течению фыркали и пищали: мелюзга пыталась выпить целый ручей. – Хоть отмоются – проворчала Ню.

Дым поднимался вверх; здесь, в овраге, дышалось непривычно легко. Накупавшись, дети тут же замёрзли. Ню прикрыла их своим пледом: добротная шерсть, даже сырая, сохраняла тепло.

Мокрая, вся в ушибах, с горечью дыма в груди, она прилегла рядом с сопящими и кашляющими сопляками и заснула.

– Дед был прав, вон они, в овраге! – Майра тащила Принцессу за руку, как будто та упиралась

Дым сносило ветром, в неверном вечернем свете сгоревшая деревня казалась гнилой пастью гигантского мёртвого дракона. «Не совсем мёртвого, дым-то есть!» – вертелось в голове у Принцессы.

– Пойдём с нами! – Принцесса протянула руку пожилой женщине в перемазанной белой рубахе. В её полы вцепились два мокрых и дрожащих малыша. – У нас тепло и есть еда. И никто не воюет.

– Это тот свет? – проскрипела женщина. – Детям рановато, они и не пожили толком.

– Этот, – покачала головой Принцесса. – Просто в стороне от войны.

– Тогда хорошо, – кивнула Ню и протянула руку.

Дед Вью сидел под окошком, как и прежде. Только не на завалинке, а на широком чурбаке. Но выглядел совершенно таким же, как и в родной деревне.

– Приветствую тебя, Ню, – высокопарно проговорил он. – Хорошо, что вас нашли. Здесь нужен хоть кто-то здравомыслящий.

Глава 4. В которой Ню наводит порядок

Осмотревшись, Ню не могла не согласиться с дедом. Странное место. Небольшая долина, с одной стороны – серые стены гор, кое-где поросшие кривыми сосенками и чахлым кустарником, с другой – ущелье. Куча камней и травы. Дикие маки. Узкий поток горной речки. И посреди – свежесрубленный дом. Дом как дом, деревенский, не хватает забора и садика. Крыша крыта дёрном. Из трубы вьётся мирный дымок.

Обитатели, как и она, сбежали от войны. Майра – совсем юная девица, с тремя младшими. Юнец, деревенский юродивый. И вторая девица, Ли, вот она не из деревенских: платье добротное – такое на деревенской ярмарке не купишь, манера разговора, прямая как жердь. А руки-то! И такими руками она таскала хворост и вытирала носы соплякам! Хорошо хоть готовила Майра, а не эта белоручка.

Дом был тоже странным. Снаружи дом как дом. Дверь прямо на кухню. Там очаг с утварью. Утварь – одно название! Горшок, котелок и помятый чайник. Ладно хоть ложек и мисок на всю ораву хватает. Но запасы появлялись в грубом шкафчике регулярно. И яйца, и молоко, и даже копчёный бекон. Её сопляки наелись сладкой каши так, что животы надулись как барабаны. Хлеб сухой, явно позавчерашний. Ню поймала вечно заполошную Майру и потребовала раздобыть кадушку для закваски и сковороду. Муки там стоял целый мешок.

Чуть в глубине – огромный свежеструганый стол, дальше – несколько лавок, покрытых лоскутными ковриками. А ещё дальше, за цветастой занавеской, – дверь в коридор. Ню специально вышла наружу и ощупала ту стену, на которой висела занавеска. Стена как стена. Брёвна хорошо просушены. За ней – камни и чахлая трава.

А внутри за занавеской – коридор направо и налево. Прямо – круглая комната с тремя окнами. Грубо сбитый книжный шкаф, заполненный книгами и тетрадями, такой же грубый стол и огромный, обитый синим ситцем диван с ворохом разноцветных подушек и пледов. Иногда Ню виделись странные светящиеся пятна, скользящие по белой стене.

Направо и налево вдоль коридора тянулись двери спален. У каждого была своя комната, с кроватью, шкафом и настоящими простынями на мягком шерстяном тюфяке. Только её сопляки спали вместе: расходиться по разным комнатам они отказались.

В своей спальне Ню обнаружила коричневое шерстяное платье, чулки, чистую рубаху и крепкие башмаки. Всё оказалось впору, как по меркам, и это её страшно разозлило. Кто и откуда тут знал её мерки?

Ню решительно принялась наводить порядок.

В двух кадушках теперь бродила закваска, а по вечерам замешивалось тесто. Майра быстро сообразила, что нужно, и на кухне, кроме кадушек, появилась широкая лопата и пара продолговатых мисок для расстойки хлебов. К ним Ню затребовала льняные полотенца. И получила: не обычную серую холстину, а настоящий лён с вышитыми крестами птицами.

Малышня по утрам вскакивала на запах свежих булок и кубарем отправлялась к речке мыться. Владика было настрого велено ходить с ними и следить, чтоб не потопли. Так что Мик и Лу стаскивали его с кровати и волокли к реке, гремя вёдрами, а сопляки ковыляли следом, держа за Владиковы штаны.

Майра вставала по писку малыша, кормила его подогретым молоком и отправлялась за хворостом. Затем ставила вариться кашу и уговаривала Ню отдохнуть. После завтрака Владика выгоняли колоть дрова, дед Вью щипал лучину и смотрел за мелюзгой, Майра же носилась по дому с веником и мокрой холстиной, а затем усаживалась чистить овощи к обеду. Одну Ли пристроить к делу никак не удавалось: на все ворчания Ню она ослепительно улыбалась, а потом бежала играть с мелюзгой или запиралась в круглой комнате. А порой хватала Майру за руку и утаскивала куда-то к реке. Тогда Ню выбиралась из глубокого кресла – работа Владика

– и, нарочито громко охая и ругаясь на лентяек и бездельниц, доделывала обед и кормила всех, кто собирался за столом.

Ей было страшно любопытно, что можно делать у горной реки по полдня, а порой и дольше, но подсмотреть за бездельницами никак не удавалось: за изгиб реки не заглянешь, куда ни залезь. Да и зрение подводило. Как-то Ню, изнывая от любопытства, схватила ведро и потащила к реке сама, но её тут же догнал Владик, отобрал ведро и побежал вниз. Ню, чертыхаясь, поковыляла к дому.

Весь следующий день она злилась, ворчала, грозила клюкой каждому, кто оказывался рядом, и чуть было не наступила на малыша Динь, пытавшегося встать, схватившись за её юбку. Динь разорался, за ним разорались сопляки, Майра сгребла всех в кучу и поволокла на улицу, а Ли вдруг подошла к Ню и начала бесцеремонно разглядывать её лицо. Ню состроила злобную гримасу, а Лу кивнула и удалилась в свою круглую комнату.

Вечером, когда Ню уже улеглась, Ли постучала в дверь, вошла, не дожидаясь ответа, и поставила на табуретку странного вида бутылку с замысловатой пробкой. Затем поднесла к лицу Ню свечу и ещё раз кивнула.

– Я сделаю тебе примочки на глаза, – сказала она. – Постарайся не сбросить их до утра.

На глаза Ню опустили две прохладные мокрые тряпицы со странным запахом. Мёд, тимьян и ромашка? Вязкие капельки побежали по вискам.

– Спи, – услышала Ню. – Завтра поглядим.

Во сне она была птицей, парившей где-то высоко, над верхушками незнакомого дряхлого леса и цветущими лугами. Крылатая тень скользила по изумрудной траве, а сама птица-Ню могла разглядеть каждую покрытую седым мхом веточку, каждый бьющийся на ветру лепесток горного мака. «Это слишком! – возмущалась она. – Мне столько не нужно!»

Проснулась Ню с головной болью. А глаза видели, как сорок лет назад.

– Черт! – проговорила она, разглядев на казавшемся ранее слишком круглым и смазанном лице Майры россыпь рыжих веснушек. «Да ей не больше пятнадцати!» – удивилась она про себя.

Ли выглядела старше, упрямее и куда более рыжей, чем казалась раньше. Руки у неё оказались исцарапанными, со свежими мозолями. «И всё равно родилась она белоручкой!» – сердито подумала Ню.

– Я вижу, примочка помогла, – ослепительно улыбнулась Ли. – Прикладывай перед сном ещё пять дней, тогда зрение окончательно восстановится.

– Мне хватит и того, что есть, – проворчала Ню. Но в ответ получила очередную улыбку.

– Они ещё более чумазые, чем я думала! – ворчала Ню на мелюзгу. После обеда она велела Майре нагреть много горячей воды.

Майра точно знала, когда закончилась прежняя жизнь. В день, когда родился малыш Динь. Мать держала её за руку, и рука была ледяная, как стужа за окном.

– Ты моя любимая девочка. Позаботься о малышах. Обещаешь?

Майра кивнула. В комнате было жарко натоплено, но пальцы матери выглядели голубоватыми. Край простыни промок красным.

Повитуха вытолкнула Майру за дверь и махнула топчущемуся в кухне отцу.

На следующий день пришла тётушка Вал, сестра отца. Майре вручили новорожденного Динь, малыши ревели и цеплялись за её юбку, а отец ушёл в трактир. Тётушка Вал велела утихомирить малышей, накормить Динь молоком и приниматься за уборку.

После похорон тётка начала приходить каждый день, проверять, чисто ли вымыт пол, готово ли к приходу отца рагу, не преет ли малыш в мокрых пелёнках. Отец возвращался ближе к полуночи, благоухая дымом и брагой, и рагу зачастую оставалось нетронутым.

Майра честно драила полы и стены, стирала занавески и скребла столы, но белоснежная кухня – сердце их с мамой мира – с каждым днём темнела. Синие занавески становились грязно-коричневыми, а ромашки на вышитых полотенцах темнели и скукоживались.

Мамины вышивки распродали. Майра вышивать не умела: как мать ни старалась, но научить её делать ровные стежки не смогла.

– Ты птичка, непоседливая птичка! – говорила мать. – Придумай, что будем вышивать дальше.

Майра рисовала птиц, цветы и бабочек. А иногда море и драконов. Мать, сидя за вышивкой, рассказывала ей сказки: принцесс, ведьм и рыцарей. А ещё пела песни. Когда мать пела, малыши затихали и устраивались как котята у её ног. У Майры, а потом у малышки Лу были самые красивые куклы в деревне: с вышитыми глазами, бровями, губами и даже носом – неслыханное новшество! Мать иногда откладывала работу и играла вместе с ними. Отец, если видел, ворчал, что жена под стать детям. Но при этом улыбался.

Теперь отца видела только Майра – она всегда его дожидалась. Потом отца забрали в солдатский обоз, а малыши ещё долго не замечали, что тот исчез навсегда.

Тётка продолжала их навещать, всё больше бранилась и называла Майру бездельницей. «Сколько можно нахлебничать! – ворчала она. – Шла бы работать! Старшие уже большие, сами присмотрят за братом». Но Майре казалось невозможным оставлять малышей. Младшие удерживали рядом с ней призрак матери. Без них она как будто растворялась в мутно-коричневой дымке.

По ночам ей снилось странное существо, похожее на чернильную кляксу, ежа и мокрого медвежонка одновременно. Существо выло и орало, разбрасывая вокруг чернильные пятна, прожигающие дырки во всём вокруг. Звук был то низким, то пронзительным, как плач младенца. Майра пыталась зажать уши, но ор был внутри головы. Почему-то этот звук переносил её в странное место: редкий сосновый лес, запах разогретой солнцем хвои, извивающиеся под ногами буро-оранжевые корни и внезапный обрыв. С обрыва – вид на тонущие в дымке вершины горной гряды. Из леса веет ужасом и чем ярче косые лучи солнца, тем сильнее дрожь в ногах, тем ближе жмётся она к обрыву. Песок из-под ног сыпется вниз, ужас накрывает с головой, наконец всё опрокидывается... и Майра с криком просыпается.

Здесь, на плато, сон приходил реже, но приходил. Ли как-то пыталась расспросить, обещая помочь, но Майра отвечала, что не помнит. У Ли тоже не было матери, но уже давно. Обсуждать свою потерю Майра не собиралась. Ей казалось, что здесь, на камнях, в странном доме с запутанными коридорами и выходами, который они как-то умудрились построить – а ведь Майра сама видела стройку и варила кашу для строителей, вполне обычных деревенских каменщиков и плотников! – в этом странном доме можно жить тихой безопасной обычной жизнью.

Глава 5. В которой Йон и Ку попадают в карцер

Йон и Ку заперли в карцер. Там было совсем не страшно: маленькая комнатка с зарешеченным окошком под самым потолком и тюфяками на полу. Зимой бывало холодно, но сейчас южная стена прогревалась весенним солнцем. Близняшки бывали тут регулярно и относились к карцеру как к отдыху от скучных уроков и молитв. В тюфяках были припрятаны самые необходимые вещи: пара книжек из монастырской библиотеки, два небольших, хорошо заточенных кухонных ножа, моток суровых ниток и пучок булавок.

Двух малышей нашли на берегу семь лет назад – после крушения чужеземного корабля. Ни куда плыл этот корабль, ни кто родители девочек, ни почему они, даже потеряв сознание, крепко держались за руки, никто так и не узнал. Девочек отвезли в монастырский приют, а из обломков корабля построили сарай для лодок.

Йон и Ку росли в монастыре и о том, что было до крушения, ничего не помнили. От местных они отличались иссиня-чёрными волосами, смуглой кожей и буйной фантазией. Учёба давалась им легко, а всё свободное время сёстры тратили на проказы.

В столовой за учительским столом теперь всегда проверяли содержимое солонки и сахарницы. А после одного случая учителя, прежде чем полить соусом овощи, капали пару капель на ладонь, размазывали пальцем и касались пальца кончиком языка. Ритуал странный, но всё лучше, чем ходить с чёрными или красными зубами или задыхаться, глотнув красного перца.

Чернила в чернильницах тоже приобретали неожиданный цвет и консистенцию, но что туда подмешивали неугомонные воспитанницы, выяснить так и не удалось. А сколько ночей сёстры провели в карцере за разрисовывание учебников и сборников молитв, и не сосчитать.

Как-то зимой матери-настоятельнице пришлось переселиться в другую спальню, потому что на чердаке, прямо над её головой, раздавался пронзительный вой, переходящий в визг. Обряд изгнания духов не помог, специальные молитвы тоже. Наконец, чердак обыскала наставница близняшек. Бутылочное горлышко было вставлено в щель под разошедшимся окном северной стены. Наставница подумала было, что, если щель чуть расширить и вставить горлышки от бутылок другого размера... Но додумывать эту мысль не стала.

Последняя выходка потребовала серьёзной подготовки. Близняшки месяц помогали в швейной мастерской: распутывали нитки и сматывали их в клубки, распарывали старую одежду, плели из длинных лоскутков пёстрые коврики. Между делом Ку умудрилась пробраться в кладовую, где хранились мерцающие шелковые ткани и блестящие стеклянные бусы.

Змея получилась совсем как настоящая: сине-зелёные переливающиеся чешуйки, жёлтое брюшко, чёрно-золотая корона на голове, изумрудные с чёрными вертикальными зрачками глаза. После нескольких неудачных экспериментов внутрь насыпали мельчайшей гальки с пляжа. С такой набивкой привязанная за нитку змея скользила по каменному полу грациозно, как и положено уважающей себя змее. Мать настоятельница, увидев блестящее извивающееся тельце у самой своей юбки, визжала так, что даже заснувшие младшие воспитанники вскочили и дружно зарыдали. Воскресная проповедь была сорвана, а сестёр заперли в карцер.

Сёстры валялись на тюфяке и читали «Историю дальних плаваний». На полу были разложены соломенные куклы, изображавшие Мать-настоятельницу и Старшую мать-наставницу с булавками в верхней части туловища. Младшую наставницу решили пока пощадить.

Стены карцера были толсты, как и дверь, так что сёстры не слышали, как в монастырь ворвались солдаты. Заподозрили неладное только когда на следующее утро никто не принёс положенные полкаравая хлеба и кувшин воды. А потом окно под потолком разбилось и оттуда потянуло дымом. Сёстры сидели, обнявшись, и слушали глухие удары, сотрясающие стены монастыря.

– Дыма наглотались, – констатировала очевидное старуха Нью. – И как вы их только находите?

Лу никак не могла откашляться, а Майра судорожно глотала воду из кружки. Затем черпнула в ведре ещё и вылила на неподвижные закопчённые мордочки. Одна из девчушек тоже закашлялась, потом вскочила и начала трясти сестру. Второй понадобилась ещё одна кружка.

– Прислушиваемся и находим, – проворчала Майра. Сегодня она была не в том настроении, чтобы уважать старших. Сожжённый монастырь поразил её куда сильнее, чем сожжённые деревни. – Погодите! – крикнула она вскочившим и собравшимся было удирать сёстрам. – Сначала поешьте, голодные, небось.

Восточный склон Заповедной горы был пологим и не таким интересным, как западный, обращённый к Драконьей горе. Он был весь покрыт разноцветными долинами, разделёнными небольшими пролесками. Сейчас долины ошетинились палатками, шатрами, а кое-где – свежесрубленными хижинами. Дымились трубы и костры полевых кухонь, стучали топоры, шумели дети. Сверху лагерь напоминал гигантский муравейник.

– И чего вы держите ту компанию отдельно? – поинтересовался Принц. – Одна из монашек вон места себе не находит, думает, что девчонки сгорели вместе с монастырём. Я, конечно, сохраняю тайну...

– Только одна? – скривилась Принцесса. – Остальные, как я понимаю, вздохнули с облегчением?

– Фи, Принцесса, не думайте так плохо о людях. Ну представьте сами: паника, эвакуация, пушки грохочут всё ближе, дети орут и разбегаются. Тут легко позабыть о чём угодно.

– О казне монастырской небось не позабыли. И о золотом барахле, – пробурчала Принцесса. Принц предпочёл промолчать.

– А неплохо вы тут всё организовали, – сменила тему Принцесса. – К осени будет несколько деревень, а весной распашете и засеете поля?

– К весне, я надеюсь, они смогут вернуться домой, хотя бы часть из них, – отозвался Принц. – Много они тут без мужей напашут. Хотя... Там есть отличные ткачихи и вышивальщицы. Я уже наладил поставку станков и всего остального. Через пару месяцев они частично окупят своё содержание.

Принцесса хмыкнула. В том, что каждый, то есть каждая, способная хорошо работать, найдёт себе место в Королевстве-за-горой, она не сомневалась. Ткацкие станки со знаком Королевства славились своей замысловатостью и удобством в обращении.

– И всё-таки, зачем вам старик со старухой и куча ребятни? – продолжал Принц. – Девчонка избавляет вас от головной боли – кстати, как она это делает? – парень вам дом построил, сплошной лабиринт. К ним стоит приглядеться повнимательнее. А остальные?

Принцесса отвернулась от человеческого муравейника и подставила лицо ветру.

– Вы не понимаете. Их всех бросили. Свои же. Для своих они оказались чужими. А потом выжили там, где солдаты убивали любого, кого находили. Не находите, что у них есть что-то общее?

– Способность влипать в неприятности?

Принцесса покачала головой.

– Спасение беженцев – это, конечно, прекрасно. Но войну это не остановит. Кроме того...

Принцесса всхлипнула. Принца она давно не стеснялась.

– Я тут навестила Южную Принцессу. У них в столице суета, мобилизация, она сама то госпитали организует, то благотворительные балы. А на балы прибегает, едва успев чепец сестры милосердия снять. В общем, не позавидуешь. Но она, и Король с Королевой тоже, думают только об одном: армия, солдаты, рекруты, снабжение, понимаете? А про этих, – она

кивнула в сторону поляны. – Про них вообще никто не вспоминает. Забрали мужчин, лошадей, запасы. А дальше как?

– А дальше нужно прекратить войну, – сухо ответил Принц. Принцесса вздохнула.

Глава 6. В которой Ню рассказывает сказки и исследует окрестности

Кружевная прохлада весеннего леса не смягчала запах железа, мокрого дыма и вчерашней смерти.

Принцесса забилась под дерево, окруженное мокрыми голубыми и розовыми цветами, и свернулась мокрым же вздрагивающим клубочком. Майра аккуратно расстелила плащ и села рядом, прислонившись к бугристому стволу. Чувств не было. Была усталость. И почему-то хотелось есть, хотя с плотного завтрака прошло не так уж много времени. Она накрыла их полянку неумело сотканным пологом – просто так, не подгоняемая страхом, она справлялась с ним довольно плохо. А сейчас бояться было некого: вокруг на много миль не ощущалось ни одного живого человека. Майра укутала Принцессу шерстяной шалью и прикрыла глаза. «Как быстро привыкаешь! – размышляла она. – Смерть теперь такая обычная штука. Живым повезло. Не может же везти всем...»

Принцессу вдруг прямо посреди рыданий охватила дикая злость на тех, кто лежал среди сгоревших домов, чья плоть наполняла воздух сладковатым смрадом. Из-под мышинового цвета шали вырвался язык бурого пламени, лизнул мокрые листья и окутал ствол клочьями дыма. Принцесса сжалась ещё сильнее и по поляне закружились седые ошметки пепла. «Как снежинки» – подумала Майра.

– Почему они не ушли? – раздался из-под шали надтреснутый голос.

– Не поверили, – вздохнула Майра. – Мало ли кто куда зовёт. Или дома оставлять не захотели. Что у них есть ещё, кроме дома?

– Жизни.

– Велика цена тем жизням, без дома и с непаханным полем, – заметила Майра. – Всё одно: с голоду помирать. И детей хоронить. Лучше уж так.

– Им же говорили, что голода не будет! – Принцесса резко села, с нижних ветвей дерева посыпались капли. – Опять у тебя полог воду пропускает! – набросилась она на Майру.

– Сейчас поправлю, – кивнула Майра и попыталась сосредоточиться. Теперь капли на полдороге вниз становились промозглым туманом. Майра наморщила лоб и туман стал тёплым и душным, как в остывающей бане. Такой результат понравился обоим.

– С чего им верить незнакомцам, – объясняла она Принцессе. – Войны они ещё не видели, вести сюда явно не доходили – некому с севера вести посылать. Надеялись отсидеться. Незнакомцы эти, может, специально зазывают, чтобы самим пограбить. А те, кто ушёл, с твоего Принца ещё спросят, почему дома не уберёт и точно ли солдаты всё пожгли.

Принцесса вздохнула. За Принца она особо не беспокоилась: тот умел разбираться с самыми разными проблемами.

– Нет, – заметила она. – Поверили. Детей-то нет. И стариков тоже. Только женщины. Мужчин в обоз забрали. А они остались дома сторожить. Дуры! Куда им против этих.

Майра подумала, что, судя по ранам, северянам тут дали достойный отпор. Коса и лопата в бабьей руке тоже сила.

– Зачем так-то? – всхлипнула Принцесса. – Зачем убивать?

– У них приказ: всё зачистить. Они и выполняют. Это как самая сильная брага, только всё понимаешь... – Майра наткнулась на полный ужаса взгляд Принцессы и съежилась. – Мама рассказывала. А ей – брат. Они с той стороны, с Севера.

– Там жизнь другая, – продолжала она. – Земля каменная, родит плохо. Есть леса с дичью, есть скот. Но купцы почти не ездят – слишком много лихих людей. Вроде моего деда. Они грабили приграничные деревни, проезжих торговцев, тем и жили. Женщины вышивали,

но шёлк был из трофеев, честно купить было негде. Однажды деда и дядю поймали южане. Мама отправилась через границу, попытаться их выкупить. Ну и встретила отца. Тот сразу потерял голову. Отца уважали, пленных обменяли. Но перед обменом сыграли свадьбу, дед сам повёл маму к алтарю. Так она и осталась на Юге. Отец надышаться на неё не мог. Односельчане смотрели косо, но родителям было всё равно. Отца уважали и побаивались, кузнец всё-таки... А мама... Она очень любила отца... и нас...

«А потом вас бросили, – добавила Принцесса про себя. – Может, решили, что вас не тронут. Хотя с чего бы?»

Принцесса расправила шаль, оказавшуюся вдруг размером с хорошее одеяло, и одним концом укутала дрожащую Майру.

– Они идиоты, ваши односельчане, – заявила она. – Всем понятно, что ты за нас... в смысле, с хорошей стороны.

– Какая она, эта хорошая сторона? Мужчин у нас забрали свои же. И припасы.

Принцесса молчала. Полог расселся. Дождь прекратился, прохладный ветер уносил смрад. Пахло ранней земляникой.

Старуха Нью злилась. Острое зрение приносило больше проблем, чем удовольствия. Сначала она с трудом определяла расстояние и вечно врезалась в стены и дверные косяки. Потом приноровилась. Заставила Майру с Владиком отдраить кухню, печь и всю утварь, перестирала занавески и полотенца, и всё равно осталась недовольна.

Затем потребовала у Ли льняные нити, булавки и коклюшки. Но пальцы слушались плохо, и Нью злилась всё больше. Зато мелюзга, увидев её за работой, чинно расселась на полу и потребовала сказку. Нью рассказала им про страшную ведьму, которая живёт в избушке посреди леса, ловит и ест маленьких непослушных детей. Мелюзга повизгивала и требовала подробностей. Где-то в середине к ним присоединился Владик, а потом мелкие копчёные девицы. Нью раньше не видела столь смуглых и черноволосых и не могла решить: они родились такими или закоптились во время пожара. Девочки держались особняком, в дом приходили только поесть и поспать, а всё остальное время бродили по долине, взявшись за руки. Сейчас они прокрались на кухню, стащили со стола по ломтю хлеба и уселись в тёмном углу. Последним зашёл дед Вью и устроился у самого очага. Старшие девицы как всегда где-то болтались.

– И страшная ведьма бросила сеть и поймала непослушных детей, воровавших яблоки в её саду. Сложила их в мешок и понесла в дом. А там уже ревел пламя в печи, осталось дать ему прогореть и можно запекать пирог. Детишки вкуснее всего запеченные в пироге. С лучком и сливками...

– А они так и сидели в мешке? – подала голос одна из чернявых. – И что, ни у кого ножика не нашлось?

– Да, обязательно должен быть ножик! – присоединился Мик. – Нельзя ходить в лес с пустыми руками!

– Точно! – Лу подскочила, разбудив задремавшего малыша Динь. Тот было расхныкался, но Лу ловко сунула ему припасенную с завтрака булочку. – Они порезали мешок и выбрались наружу, так ведь?

– Так, – кивнула Нью. – Но дверь и окна были заперты, а ведьма ужасно голодная!

– Если бежать в разные стороны, одна ведьма двоих не схватит! – Авторитетно заявила одна из чернявок. – Схватит одного, а второй её кадушкой или кочергой по ногам.

– Лучше кадушку: воду разлить, она и поскользнётся, – Мик азартно разрабатывал план побега. – А потом той же кадушкой по голове и ходу!

– Дверь-то заперта, – заметила вторая чернявка. – Тут или ломать, или через окно.

– А в дверь лесной чёрт стучит. Его ведьма на ужин пригласила, – встала Нью.

– Да! – Вскочил Мик. – Это то, что надо! Чёрт открывает дверь, ему кадушку под ноги, он падает, перепрыгнуть его – и ходу. – За неимением кадушки Мик схватил деревянную миску и пустился в воинственный пляс. К нему присоединились сопляки и малыш Динь.

Пальцы Нью двигались сами, коклюшки шёлкали, а по крыше барабанил дождь. Владик задумчиво смотрел на растекающееся по стене мокрое пятно. Под его взглядом пятно сжималось и сворачивалось, оставляя снаружи извивающиеся щупальца. Затем щупальца втянулись в середину и пятно исчезло.

Назавтра, накормив мелюзгу и деда с Владиком, Нью взяла клюку и отправилась к реке. Она решила во что бы то ни было выяснить, куда деваются старшие девицы. Те вчера вернулись поздно вечером и не соизволили выйти к завтраку. Нью нашла на крыльце промокшие, вымазанные серой глиной башмаки и сходила проверить. Эта неженка Ли даже не соизволила повесить своё платье и плащ – всё валялось на полу, мокрое и перепачканное.

Нью брела вдоль реки, тыкая клюкой во все подозрительные щели между камнями. Пару раз клюка застревала, но ничего интересного Нью не обнаружила. За излучиной она перебралась по каменной насыпи на другой берег. Там трава была выше, а дальше пространство обрывала глухая скала, непролазная до самого обрыва. Нью ковыляла вдоль скалы, заглядывая в каждую трещинку. И наконец нашла. У обрыва скала заканчивалась узким, но вполне проходимым карнизом. Нью взглянула вниз – лететь далеко! – потыкала клюкой в камни и ступила на карниз. Хорошо быть старухой: бояться особо нечего, а вот любопытство можно удовлетворять без оглядки на окружающих. Она выяснит, что тут творится, если только не сорвётся.

Сначала карниз шёл горизонтально, потом начал карабкаться вверх, обнимая скалу потрёпанной лентой. Коварные камни шатались под клюкой, а колючие ветки так и норовили оторвать клочок пуховой шали. Нью представила, что карниз-тропинка снабжен удобными перилами и тут же почувствовала себя уверенно.

Вверх, потом резко вниз, потом снова поворот вокруг скалы и Нью почти скатилась на узкое плато, с которого открывался вид на весь предгорный мир и даже ещё дальше. Нью уселась на удобный камень и принялась разглядывать дороги, поля и редкие деревушки внизу. Деревушки, сперва затянутые дымкой, становились всё чётче. Одна ютилась между изгибом реки и кромкой туманно-голубого леса. Нью рассматривала цветущие деревья, аккуратные домики, площадь, на которой развернулась воскресная ярмарка. Сегодня воскресенье? Шатер циркачей, загоны с коровами и овцами, прилавки рукодельниц. Рассмотрев образцы кружев (криво-руких мастериц работа!), Нью решила, что от высоты у неё слегка помутилось в голове.

Вдруг ей в спину уперлось что-то острое и очень холодное. Нью резко обернулась, спина и шея угрожающе закрипели. Рядом никого не было. Зато в глубине долины, из огромной пещеры (и как только Нью её не заметила?) высунулась здоровенная пупырчатая морда мертвенно-зеленоватого оттенка. Изумрудный глаз с узким оранжевым зрачком, не мигая, разглядывал застывшую неудобной позе Нью. Нью подумала было метнуться в тень скалы, но потом решила, что смысла прятаться особого нет.

– Верно. Со мной ваши штучки не пройдут, только разговаривать мешают. Так что убери свой туман, – заявил Дракон, неспешно вылезая из пещеры и устраиваясь на полуденном солнышке. Нью замороженно смотрела на переливы зелёных и аквамариновых чешуек его кожи и думала, что за такие краски и узоры городские ткачихи заложили бы душу.

– Великолепно, правда? – польщенно прочитал её мысли Дракон. – Я только что сменил шкуру. Всё новенькое. Туман убери, говорю.

Нью только сейчас заметила, что её камень затянуло серым, похожим на дым, туманом.

– Это что, я? – спросила она.

– Ну не я же, – шевельнул хвостом Дракон. Клок тумана поплыл в его сторону и опустился прямо перед лапой с огромными сверкающими когтями. Лапа подхватила клок и поднесла к морде.

Ню затрясла руками, пытаясь отогнать дымку.

– Можно просто сказать что-то вроде «исчезни», – посоветовал Дракон. – Только именно туману, не промахнись. А то мало ли что ещё исчезнет.

– Исчезни! – пискнула Ню туману. Тот заколыхался и растаял вместе с камнем и прислонённой к нему клюкой. – Эй! – возмутилась она уже в полный голос. – Верни клюку!

– А я тут при чём? – приподнял чешую над глазом Дракон. – Говорил же, не промахнись. Вы, люди, постоянно промахиваетесь.

Клюка возникла из ниоткуда прямо между драконьих лап и Ню решительно заковыляла к пещере – разбрасываться собственностью она не собиралась. Как ни странно, ни обглоданных костей, ни прочего мусора у пещеры не наблюдалось. Ню, стараясь не мигать, протопала прямо мимо игриво постукивающей голубоватыми когтями лапы и взяла крюку. Дракон наблюдал за её действиями с интересом. От его морды остро пахло малосольными огурцами с укропом. Ню отошла в тенёк и присела на очередной камень. Дракон усмехнулся её мыслям. Он действительно любил малосольные огурцы.

– Так это к тебе бегают наши шевбутные девицы? – спросила Ню.

– Ты про Принцессу и её подружку? – не стал притворяться несведущим Дракон. – Нет. Подружка тут ни разу не была, а её высочество знает дорогу поудобнее козьей тропы.

– Она действительно Принцесса? – Ню не удивилась, скорее порадовалась, что её догадки оказались близки к истине. – То-то я смотрю, белоручка, ничего не умеет. А что ей тут надо?

– Принцессам обычно нужны две вещи: любовь до гроба и мир исправить. С любовью у неё пока сплошные вопросы, так что...

– А где мы? – Ню вдруг сообразила, что проблемы географии её не занимали с момента пожара в родной деревне.

– Смотри, – качнул мордой Дракон.

Ню начала вглядываться.

Дымчато-голубой лес надёжно отделял этот мир от того, в котором Ню прожила всю свою довольно долгую жизнь. На севере хребты гор перемежались долинами, в которых теснились города, окруженные сёлами и выселками. Чем дальше на север, тем выше хребты, тем меньше и туманнее выглядели города. Южнее горы становились покрытыми лесом холмами, города тянулись вдоль центрального тракта, а между холмов расплзались села. Распаханных полей почти не видно, зато по зелёным лугам свободно бродили стада овец.

Ещё южнее землю перечеркивала великая река Ють, собиравшая все горные реки, лесные ручьи и роднички и уносившая свои воды к самому Западному морю. Левый берег Юти был низинным, там начиналось родное Южное королевство. Ню уже давно махнула рукой на то, что человеческие глаза не могли бы рассмотреть все подробности. Она, конечно, поговорит с этой принцессочкой Ли, но сейчас Ню изо всех сил вглядывалась в изгибы реки, леса нормальных зеленых оттенков и лоскуты распаханых полей.

На мирный пёстро-зелёный край словно кто-то ливанул чёрной краски, причём из трёх разных ведер. С трёх направлений – центрального моста через Ють, с западной и восточной переправ тянулись широкие полосы чёрных полей и сожженных деревень. Кое-где и леса тронуло зубьями пожара, но могучий Ютский лес останавливал огонь вечной прохладой и сыростью своей сонной чащобы.

Ню отыскала родную деревню, убедилась, что дома сожжены дотла, а на чёрных полях уже пробивается упорная поросль дикой травы. Зачем-то начала пересчитывать пожжённые деревни, но сбилась на третьем десятке. Лешак, самый северный из городов, оцетинился двумя

слепыми закопченными сторожевыми башнями. Часть каменных домов устояли, щеголяя рухнувшими крышами и пустыми окнами.

У границы чёрных и изумрудных земель медленно ползла красновато-серая масса. Три потока, явно собирающиеся слиться в один где-то в центральных землях. Армия! Как же их много! Восточный рукав как раз подползал городку под названием Холмец, в котором жила непутёвая дочь и незнакомые внуки Нью. На подходе к городу раскинулся муравейник с флагами бело-голубого цвета: армия Южного королевства готовилась к бою.

– Их же слишком мало! – вздрогнула Нью, с ужасом глядя на бесконечную реку красновато-серых солдат.

– Мало, – кивнул Дракон. – Но на сколько-то они северян сдержат, а там, глядишь и свежие силы подтянутся.

– А город?

– Город падёт.

Нью замолчала, мысленно погружившись в ужас этого простого словечка. С запада потянуло дымом – дымом ещё не сожжённого города.

– На твоём месте, я поговорил бы с её высочеством, – заметил Дракон. – У неё очень обширные связи. И она как никто ценит родственные узы.

Нью вскочила, но напоминающий змею кончик хвоста вдруг оказался у её ботинок и одним движением заставил отступить и снова плюхнуться на жесткий камень.

– Погоди. Я хотел тебя кое о чём спросить.

– Спрашивай, – покорно проговорила Нью, вцепившись побелевшими пальцами в клюку.

– Знаешь, меня всегда удивляла сила человеческих желаний. Поистине волшебная, если вдуматься. – Речь Дракона была медленной и тягучей, Нью чувствовала себя мухой, погружающейся в сладкий сироп. – Скажи, чего хочешь ты, уже попрощавшаяся с миром и не боящаяся смерти? Какое твоё желание?

– Ты его исполнишь? – вскинулась Нью, но хохот Дракона оборвал мелькнувшую было надежду.

– Я тебе не золотая рыбка, – ответил Дракон, когда развеялись клубы беловатого дыма. – Да ты и сама способна на многое. И всё-таки, чего ты хочешь? По-настоящему? Для себя?

Нью снова устала на ещё не сгоревший город.

– Поднять сопляков, – честно призналась она. – Больше у них никого нет. И внуков увидеть. Убедиться, что они переживут это... – Нью беспомощно махнула рукой. – И что людьми вырастут.

Дракон прикрыл правый глаз.

– Тебе пора. Бой начнётся завтра на рассвете.

Глава 7. В которой к Василии является призрак матери

– Значит так, – из голоса Майры начисто исчезли покорность и уважение к старшим. – Идешь рядом со мной, по моему знаку создаешь покров и держишь, что бы вокруг не происходило. Мне одной бывает тяжело, а Ли часто отвлекается.

– Не знаю я никакого покрова, – проворчала Ню. И тут же пожалела, потому что в ближайšie два часа наглая девица обучала её сосредотачиваться и не отвлекаться. Даже на готовку обеда. Дым у Ню получался знатным. Как и туман. И пелена дождя, ни капельки не пропускающая внутрь. А иногда покров вообще не выглядел никак – он просто делал спрятавшихся невидимыми для окружающих.

Ли явилась к состряпанному дедом и Владиком обеде. Помогали готовить чернявые блинчики. В итоге на стол поставили немислимое варево из всех найденных в кладовке овощей и целой курицы. «Хорошо хоть выпотрошить догадались!» – ворчала Ню, выплёвывая ошметки перьев. Изнеженная же Ли наворачивала варево с аппетитом, достойным чего-то более изысканного.

– Очень вкусное рагу! – заявила она, аристократично выплёвывая в ложку луковую шелуху. И добавила, заметив, как брезгливо ковыряется в тарелке сидящая рядом Лу. – Не нравится, давай я съем.

Лу глянула на тарелку Ли с подозрением и быстро начала есть.

После обеда Майра потащила Ню к реке, по дороге отобрав шаль и накинув на плечи тёмный плащ с капюшоном. Ли уже сидела на берегу, строгая, в таком же плаще. Она полоскала в воде длинную ветку, наблюдая как стремнина стирает остроконечные следы.

– Готовы? – вскочила она и внимательно оглядела Ню. – Главное, не теряйся. Но если что, проход в соборе на центральной площади. Закроется завтра на рассвете. После в городе оставаться будет нельзя. Пройдёшь через общий портал, ничего страшного, оттуда мы всегда вытащим.

– Оттуда? – уточнила Ню. Ей почему-то не пришло в голову выяснить, куда уведят жителей.

– Лагерь беженцев, – пояснила Ли. – Там. – Махнула она рукой на восток. – На границе с Королевством-за-горой. Не сюда же их тащить. – Теперь изящная рука махнула в сторону долины. – Там, конечно, не город, но есть еда, крыша над головой и безопасно. Лучше, чем в лесах отсиживаться.

Ли взяла Майру за руку, другую протянула Ню. Ню подивилась мужской твёрдости маленькой ладони. «Закрой глаза!» – шепнула Майра. Поздно. Мир замельтешил причудливо извивающимися полосами, живот скрутило тошнотой. Но не успела Ню чертыхнуться, как всё закончилось.

Василия смотрела в окно и тихо бранилась. По её представлениям, громко браниться может только деревенщина, а сойти за деревенщину Василия страшилась больше всего на свете. Выросшая в деревне, она считала себя более горожанкой, чем далеко не стремящийся к респектабельности муж. Если б не Василия, в их лавке так и продавалось бы добротное сукно и некрашенная шерсть, подходящие для соседей, но никак не для блестящей публики, которую Василия мечтала видеть в покупателях.

Мечты потихоньку сбывались. Скромного вида лавочка, в которой можно было очень недорого купить модный аквамаринный шелк, алую парчу и кружева ничуть не хуже, чем в столице, стала городской достопримечательностью. Здесь покупали практически все обитатели особняков Центрального холма. Кто не хотел, чтобы его видели в непрестижных Низи-

нах, посылал горничных за образцами. Василия вовсю пилила мужа, что пора открывать лавку поближе к Центру, однако тот категорически не хотел перемен. «Твои махинации с контрабандистами еще выйдут боком!» – ворчал он. Но знатных клиентов встречал как положено, и сравниться с ним по умению продать дорогую ткань не мог никто, даже сама Василия.

Дело шло, дочери учились не в местной школе, а в престижной гимназии в Горках. Не Центр, но куда к нему ближе, чем их Низины. С таким образованием они и мужей найдут под стать – не суконщиков, а ювелиров или краснодеревщиков. А то и кого познатнее. Внешностью обе пошли в мать, а приданное, даст бог, за ними пойдёт приличное.

А сейчас налаженная жизнь начала рушиться. Сначала мужа забрали в обоз. Не под ружьё, так, при кухне, но забрали. Без него бизнес начал трещать. Хотя вроде и с поставщиками дела вела она, Василия, и образцы новинок покупателям рассылала лично. Но забрали мужа – и поставщики начали подводить, а клиенты покупали всё меньше. Как оказалось, многие снимались с места и уезжали на юг. «Пока всё не уладится».

Василия, конечно, извернулась и сумела продать почти всё сукно на мундиры, а шерсть на плащи для армии. Но парча и шелк, вместе с ярких расцветок муслином валялись на складе мёртвым грузом. Василия бранилась, простаивая за прилавком в пустой лавке. Забегали только соседские дочки-вертихвостки – за грошовыми лентами и кружевами на передник. Кружева Василия плела сама в подсобке – мастерство, вместе с красотой унаследованное от матери. От девчонок-то Василия и узнала это глупое слово «эвакуация».

Про войну она, конечно, слышала. И от клиентов. И от брата, который, когда его полк проходил через Холмец, забежал повидаться. Брату Василия не очень обрадовалась – она предпочитала не вспоминать про деревенскую родню. Но в мундире он смотрелся прилично, так что не стыдно было перед покупателями. Брат долго и занудно рассказывал про бои и плохое снабжение (тогда-то у Василии и появилась мысль о сукне для армии), а потом сказал, что старуха-мать совсем сдала и, наверное, долго не протянет. Василия кивнула. Мать она не видела много лет и ничуть по ней не скучала.

Василия смотрела в окно. За окном соседи, навьюченные узлами и сундуками, брели на восток к Центральному холму. Те, кто побогаче, ехали в повозках. Василии хотелось плюнуть им вслед. Вот так спокойно бросать дома могла только деревенщина или совсем уж голь пережатая. У неё на складе две дюжины штук лучшей парчи, как она их бросит? Замок, конечно, хорош, но кто помешает просто выжечь деревянную дверь? Или разобрать крышу? И куда они все собрались сбегать? В чисто поле? Вернуться потом к разграбленным домам и складам? Нет уж. Всё заработано её руками, в её руках и останется.

– Мама, Брыги тоже закрыли лавку и едут к Собору, – заглянула в гостиную Алина, старшая. – Утром по улице глашатаи пробежали, кричали, что именем Короля все должны эва... идти на площадь.

– Весь город в Соборе не поместятся, – проворчала Василия. – Не говори глупостей, мы остаёмся. Скажи на кухне, чтобы обедать собирали.

За обедом Алина и младшая, Ульмина, вовсю трещали про отъезд соседей. Оказывается, по всей улице были расклеены объявления, в которых говорилось, что эвакуация – приказ Короля. «Глупости, – думала Василия. – Король приказал бы остаться и оборонять ворота. Пусть в городе и не осталось мужчин, но бабы тоже могут держать вилы и косы...» – тут она скривилась, поняв, что рассуждает как настоящая деревенщина. Какие вилы, кому их держать? Её дочерям? Пятилетнему Алику?

После обеда маленькая семья расположилась в гостиной. Лавку открывать смысла не было. Из прислуги осталась только кухарка, она-то утром и принесла объявление вместе с новостью о том, что на рынке никто не торгует. Алина с Ульминой шептались, поглядывая на мать исподлобья. Алик сунул голову под локоть и требовал сказку. Окно затянуло предгрозо-

вым сумраком. Василия упрямо сжимала губы и остервенело щёлкала коклюшками. Рукоделие её успокаивало.

Внизу хлопнула дверь. Порыв ветра распахнул окно в сад, оттуда пахнуло сыростью. Застучали тяжелые башмаки, двери в гостиную распахнулись. Там стояли две женщины в чёрных плащах. Одна – сторбленная, с клюкой – откинула капюшон.

– Здравствуй, Василия, – прокаркал старческий голос.

– Мама? – коклюшки стукнули о пол, булавки рассыпались, валик покатился к ногам гостыи. Та подняла его, громко скрипнув суставами, и рассмотрела кружева.

– Хорошо! – одобрила она. – Научила я тебя!

– Мама, ты умерла? – пролепетала Василия. Горло прихватило противным комом.

– Умерла-умерла, – закивала Ню. – Вот пришлось вернуться. Быстро собирайтесь, пойдём к Собору. Завтра здесь всё пожгут. Дотла, – добавила она для убедительности и раскинула руки в стороны. – Что расселись, собирайте, что унести сможете! – рявкнула она на внучек. Те вскочили и с тихим визгом рванули по своим комнатам.

У Василии все мысли про парчу вылетели из головы. «Деньги! Серьги гранатовые и жемчуг! Долговые расписки». Ослушаться мертвой матери – невозможно и вообразить! С того света вернулась ради неё! Заботится. О ней заботится... Василия метнулась в кабинет к сейфу. Ей в спину прозвучал более молодой голос второй мертвячки:

– Тёплые плащи, крепкую обувь, еды, сколько есть, смену платья. Свечи возьмите. Фонари пригодятся. Трут и огниво. Ложки, ножи. Фляги с водой, а лучше с молоком.

Василия уже не слышала, но из гостиной звучал монотонный голос кухарки, что-то уточняющей. Захваченный общими сборами Алик приволок любимый картуз и коробку с солдатиками.

Василия вздохнула и взяла сборы под контроль. В последний момент впихнула в баул корзинку для рукоделия. Ню взглянула одобрительно.

Вышли в сумрак. Дождя всё не было, тянуло затхлостью. Лошадей было не достать, но молодая мертвячка прикатила откуда-то скрипучую, вполне крепкую тележку.

Алик вцепился в руку Ню. Алина с Ульминой ушли вперёд быстрым шагом.

– Красивые девицы выросли, – кивнула им вслед Ню.

– Образованные, – похвасталась Василия. – Гимназию заканчивают, – Она осеклась.

– Это хорошо, – прокаркала Ню. – Женихи будут. – И тоже осеклась. Где они, те женихи?

Все в обозе, кто ещё вернётся.

Ладошка Алика приятно теплила руку. Ню показалось, что малыш специально старается идти вровень с ней.

– Ба, ты ведь живая? – прошептал он, когда мать отвлеклась.

– Живая, – пробормотала Ню. – Но это тайна. Понял?

– Понял, – кивнул Алик.

«А он совсем как сопляки. Только почище и одет по-городскому», – вдруг подумала Ню. Внук ей неожиданно понравился. Внучки же показались изнеженными белоручками. «Небось и хлеба не испекут!» – ворчала она под нос.

Город был непривычно пуст и тёмный. Казалось, они последние грохотали тележкой по заваленной самым неожиданным мусором мостовой. Кочаны капусты, связки лука, обрывки бумаги, куски верёвки. Похоже, взломали лавку зеленщика. Чуть дальше булочница на пороге лавки раздавала буханки и плюшки.

– Берите бесплатно! Иначе северянам достанется! – кричала она. Ульмина взяла ароматный кулёк, а Алина два запихнула в корзинку два батона.

– Уходите, – крикнула булочнице Майра.

– Уйду, вот только хлеб раздам. Вряд ли там будет много свежего хлеба.

– Такого точно не будет, – Майра тоже прихватила кулёк плюшек. – Но не затягивайте! Там нужны умельцы печь хлеб!

– Вот это здорово, – расплылась булочница. – Мы работы не боимся. Не пропадём ведь?

– Нет, конечно! – голос Майры заполнил улицу, вспугнув стайку терзавших целый батон воробьёв. – Но спешите! Скоро здесь будет плохо.

Соборная площадь тоже была полупустой. Люди заходили в распахнутые ворота Собора, вместе с лошадьми, тележками и тачками. Собор поглощал их невозмутимо, хотя по всему должен был бы давно рухнуть. Они стали в быстро ползущую очередь.

– Мама, – Василия повернулась к Ню, продолжавшей держать ручку Алика. – Я приду на твою могилу, когда всё наладится. Ты ведь там лежишь? Дома?

– Там, где же ещё, – кивнула Ню. – Только нет теперь ни деревни, ни дома. И приходиться некуда.

– Детей береги, – добавила она. – Хорошие они. Жить им ещё и жить.

Василия кивнула, потом всхлипнула, взяла руку Алика и толкнула тележку в ворота.

– Вот и повидались, – вздохнула Ню, глядя вслед семейству дочери. – А говорил, не золотая рыбка.

– Это ты про Дракона? – Ли возникла из ниоткуда и сразу сунула руку в пакет с плюшками. Они втроём устроились на лавочке у ограды, наблюдая за уходящими горожанами. – Да, он такой, никогда не поймёшь, что имеет ввиду. Ты ему, кстати, понравилась. А семью всегда можешь навестить, у меня пробит проход из нашего дома.

– Они вообразили, что наша Ню мертва. И явилась с того света их спасти, – хихикнула Майра. Ли уставилась на Ню с интересом.

– Живой мне она бы не поверила, – пробурчала Ню. – Упрямая, как ослица! И командовать любит.

– В кого бы это? – пробормотала Майра. А Ли улыбнулась своей фирменной улыбкой.

– А что, мысль здравая. Сработало же! Но можно что-то придумать, например, воскресла, чтобы присмотреть за ними в трудный час.

– Подумаю, – буркнула Ню. Она ещё не решила, как относится к дочери.

– Возьми плюшку, – протянула полупустой пакет Майра. – Вкусные, а нам ещё город обходить, отставших искать. Ли будет слушать, а мы с тобой покров держать. Без покрова опасно, вон, уже лавки громят.

Майра подняла с земли сорванный со стола листок.

– Королевский указ, – прочитала она. – Твоя идея? – обернулась она к Ли. Та опять ослепительно улыбнулась.

– Здорово придумано, правда? Ещё солнце не село, а почти всех вывели.

– Что-то сомневаюсь я, что Король приказал бы жителям спасаться, бросив город, – проворчала Ню.

– Нет, он предпочёл бы, чтобы горожане сражались до последнего и мужественно поумирали в бою, – согласилась Ли, откусывая очередную плюшку. – Но зачем его спрашивать?

Ню пробурчала что-то неразборчивое, а потом взяла у Майры флягу с травяным отваром. Верности королю она совершенно точно предпочитала живую дочь и внуков. «Забрал сына и зятя, и будет, – со злостью подумала она. – Остальных оставь мне!»

Глава 8. В которой Йон и Ку исследуют запертые двери и незнакомые пространства

Йон и Ку никогда ещё не жили так хорошо. Никаких уроков, никакой работы: ворчливая старуха пыталась их припахать к готовке-уборке-заготовке дров, но от неё близняшки легко убегали. Аккуратные косы, которые требовали заплетать монастырские наставницы, тоже были забыты, теперь вокруг непокорных мордочек стояли шапки густых иссиня-чёрных кудряшек.

И ничего им за это не было: кормили сытно три раза в день, в спальне не запирали, про карцер здесь вообще никто не слышал. Всё свободное от еды и сна время близняшки бродили по плато, купались в ледяной речке, грелись на солнце и обсуждали, куда же они попали.

Местная ребягня ничего объяснить толком не могла. Мик, самый старший и разумный, рассказал, что грохотали пушки, они сидели в подвале, а вокруг солдаты ломали и жгли дома.

– А потом пришла Ли, и мы оказались здесь, – продолжал он. – Сначала спали под телегой, здорово было. А сейчас вот дом. Баба Нью, дед и Мисик с Лизиком пришли позже. Все мокрые и закопчённые, тоже, наверное, где-то от солдат отсиживались. Дед не говорит об этом, баба Нью сама видишь какая, а Мисик с Лизиком, если спросишь, только ревут.

– Дед Вью истории рассказывает, – добавила Лу. – Про корабли и другие земли. Он на кораблях плавал, когда ещё не был старым. И лодочки здорово мастерит из щепочек.

Лодочки – это интересно. Близняшки отправились к деду Вью и потребовали от него лодочек и рассказов.

– Давным-давно, у самого горизонта была страна Замория, – монотонным голосом рассказывал Вью. – Жили там отважные моряки и могучие птицы. Моряки бороздили океан и строили свои города, ясное дело, на побережье, а птицы – в горах. Людьюми правил могучий Морской король, а птицами – гордая птица Феникс. Жили они в мире и согласии пока не случилась беда...

Дед замолчал и затаился трубкой. Ли умудрилась раздобыть ему целый бочонок отличного табака. Хорошая девочка эта Ли! Зря Нью на неё косится.

Ку потянула деда за рукав:

– Какая беда, дедушка? Враги напали?

– Нет, гора огнедышащая проснулась, – перебила Йон. – А с моря волна пришла с гору высотой.

– Нет, из-за моря пришла целая тьма кораблей – воевать с Заморией и изловить волшебную птицу-Феникс, – стояла на своём Ку.

Дед с наслаждением затягивался и слушал перепалку шепотных девчонок.

– Смотрите, – заговорил он, взяв в руки щепочку. – Вот большая земля. Вот море-океан. А вот страна Замория. А рядом, вот тут, заповедный остров. Раз в десять лет сюда прилетает дракониша откладывать яйцо. Год она это яйцо высидывает, дышит на него пламенем. А ровно через год, день-в-день, скорлупа трескается и из яйца вылезает маленький дракон. Дракониша ещё месяц растит его на острове, а потом, как дитя окрепнет, улетает вместе с ним к своим, в драконьи края. И вот однажды дракониша оставила яйцо и улетела на охоту. Вернулась, а яйца нет. Кто-то украл.

Близняшки во все глаза разглядывали карту.

– Но тут рядом только Замория!

– Точно. Вот туда-то дракониша и полетела искать своё яйцо.

Дед опять замолчал. Сёстры сидели, прикрыв глаза, и изо всех сил представляли, каково это, когда на тебя летит огромная разъярённая дракониша.

Но тут Майра позвала обедать. Дед Вью с охами и скрипом поднялся и пошёл в дом. За ним поплелись близняшки. Сказки-сказками, а готовила баба Нью вкусно.

После обеда дед Вью устроился вместе с Владиком мастерить столик для Нью, чтобы той было удобно плести свои кружева. Зарядил дождь. Майра с Ли опять куда-то исчезли. Мик собрал малышня и устроил им из стульев и одеяла домик. Близняшки побрели в спальню, где в ворохе подушек и простыней были припрятаны две пропахшие дымом книги из монастырской библиотеки. Это были «История дальних плаваний» и «Сказки далёких гор». Близняшки читали их друг другу по очереди перед сном и когда накатывала тоска. Сейчас тосковать было не о чем, но скучно, самое время поваляться и почитать.

Их спальня была четвёртой по коридору направо. Чтобы не перепутать, Йон пришила к ней острыми булавками соломенную куколку.

Близняшки прошли за занавеску, заглянули в круглую комнату – они всегда в неё заглядывали. По белой стене бегали тёмные блики, сливаясь и разбегаясь в стороны. Близняшки долго стояли, завороченные странным зрелищем. Но потом и оно надоело. По коридору, четвёртая дверь. Куклолки нет. Ку распахнула дверь – спальни тоже нет. Вместо неё – ещё один коридор, да такой длинный, что конец терялся далеко в тени. Никаких окон, только тусклые висючие светильники на каменных стенах. И двери – широкие и узенькие, в некоторые можно пролезть только боком. Ку дёрнула ручки справа, а Йон слева. Всё закрыто. Наконец стал виден конец коридора – он заканчивался тёмным грязным окном.

За окном мелькали тени, что-то сверкало, слышались хлопки. Сёстры пытались тереть стекло ладонями и рукавами, но грязь была снаружи. Наконец им и это занятие надоело.

Тут вторая справа дверь приоткрылась. Ку могла бы поклясться, что раньше она была заперта. Она потянула за затейливую бронзовую ручку и просунула голову внутрь. Там была библиотека. Настоящая: с кучей лакированных шкафов тёмного дерева, набитых книгами самого завлекательного вида, тёмного же дерева лестницы, и глубокие кресла с бархатными подушечками. Йон тут же забралась под потолок и потянула самую толстую книжку. Но, взглянув на комнату сверху, увидела нечто такое, что заставило её кубарем скатиться с лестницы. В углу, за высокими спинками кресел на огромном столе была разложена огромная же карта.

Такая не влезет ни в один атлас, а карт без атласа сёстрам видеть не доводилось.

На карте была изображен кусок суши, с трёх сторон окруженный океаном. Ку бросилась искать острова, напоминающие Заморию и заповедный остров. Она была уверена, что дед Вью рассказывал самую что ни на есть правду.

Йон же высматривала знакомые приметы, мысленно вспоминая учебник землеведения.

«А земли здесь суть мыс, омываемый мировым океаном с севера, запада и юга. А с востока его отрезает гряда Синих гор. И никому эти горы не преодолеть, только птицам поднебесным да могучим драконам.

А управляются земли семью королями. Королевство Центральное, Восточное, оно же Королевство-за-горой, Северное, Южное, Северо-западное, Юго-западное и Западное, оно же Королевство Птичьего мыса».

– На востоке горы, на западе – океан, – тем временем бормотала Ку. – На севере – льды. А что на юге?

– На юге никакой карты нет, – заметила Йон. – Все путешественники направляются на запад, самые сумасшедшие на восток. На юг никто не плавает.

– Вот именно! – с жаром заговорила Ку. – А вдруг тот корабль, наш корабль, он плыл с юга? Вдруг там есть земли и люди, такие же смуглые, как мы? Вдруг там есть наши родные? Бабушка... Такая как Нью, только совсем наша.

Йон покачала головой, а затем обняла Ку, как обнимала её всегда. Сёстры выглядели одинаково, но характерами отличались как воздух и огонь.

– Было бы неплохо найти бабушку, – согласилась она. – Как-нибудь обязательно попробуем.

Йон исследовала берега Южного королевства, прорисованные так подробно, что казалось, ещё немного, и будут видны крошечные рыбацкие ялы. Если долго вглядываться, карта начинала укрупняться, показывая мельчайшие детали. Вот знакомый мыс с маяком, слева – бухта, прорезающая берег рыбьим хвостом. Йон долго вглядывалась в знакомые очертания береговой линии.

– Смотри! – потянула она за рукав мечтательно разглядывающую океан Ку. – Посмотри же!

Ку взглянула на знакомые изгибы берега – похожая карта была в атласе, что всегда лежал в классной комнате в монастыре.

– Смотри же! – теребила её Йон. – Смотри. Маяк вот. А монастыря нет. И города тоже.

– Может просто не нарисовали? – но Ку прекрасно понимала, что такого не может быть: на карте были тщательно прорисованы другие города и даже небольшие деревушки. А на берегу их бухты было только мутное пятно, как от плохого ластика.

– Не может быть, чтобы город исчез! – жалобно проговорила она. – Ну монастырь пусть бы даже и сгорел, не жалко. Но город! Порт, рынок, ратуша, сады. Не могли они никуда деться.

– И горожане! – добавила Йон. – Они-то куда делись? – Она снова пригляделась к Южному королевству. Пятна от ластика тянулись на север тремя пунктирными линиями.

Назад сёстры шли нагруженные книгами. Ку – очередным томиком про путешествия, а Йон – книжкой с интригующим названием «Основы заклинаний. Том первый».

Полночи были посвящены чтению, так что к завтраку близняшки вышли невыспавшиеся и в дурном настроении. Ли отсутствовала, зато Майра была на месте. После каши с мёдом и булочек с сыром и маслом Майра привязала к спине малыша Динь и под ворчание Нью принялась за уборку. Йон и Ку сочли разумным исчезнуть: Мика припахали носить воду, Лу – щипать лучину, даже малышкой отправили складывать поленья, которые колот молчаливый Владик. Что делал дед Вью, сестры разглядеть не успели, рассудив, что в такой суете дед рассказывать истории не станет. Близняшки вернулись в спальню к своим книжкам.

Йон трижды перечитала заинтересовавшую её страницу, затем подошла к входной двери, заперла её на задвижку, зажгла свечку, поднесла к задвижке и начала рисовать пламенем разные фигуры, тихо проговаривая зубодробительную скороговорку. Сначала ручка двери приобрела фиолетово-лавандовый оттенок, а задвижка засияла и выросла в два раза. Но с третьей попытки она отодвинулась в сторону и дверь приоткрылась. Йон издала победный клич, прижала книгу к груди и закужилась по комнате.

– Но ведь можно было просто отодвинуть задвижку! – заметила Ку.

– Ты не понимаешь, – восторженно пропела Йон. – Я теперь могу открыть любой замок. Любой, ясно? Пошли в тот коридор!

На мордочке Ку расцвела понимающая улыбка.

– Пошли! – вскочила она, закопав свой томик под матрас. – Там десятки дверей.

Коридор удалось найти с первой попытки. Сёстры зашли в круглую комнату, полюбовались на блуждающие по стене пятна, а потом вернулись к своей спальне. Куколка исчезла и за дверью оказался уже знакомый коридор.

Ку прошлась, приглядываясь к дверям. Некоторые казались просто частью стены. Часть ручек были совсем зелёными – ясно, что к ним давно никто не прикасался. Ку заглянула в несколько замочных скважин и издала победный клич: за синей дверью с голубыми наличниками явно что-то светилось. Эта дверь казалась настоящей, её медная ручка блестела красноватыми отблесками.

Йон сосредоточилась. В коридоре сквозило, но пламя свечи ни разу не дрогнуло. Фигуры рисовались легко, а произнося скороговорку, она сбилась всего пару раз. Дверь задрожала, из-под неё хлынул неприятно-яркий свет, замочная скважина заскрежетала, затем ручка опустилась вниз и дверь медленно отворилась.

За дверью было пёстро, шумно и залито полуденным солнцем. Сёстры дружно зажмурились, взяли за руки и шагнули наружу.

Сначала показалось, что они попали на ярмарку. Разноцветные шатры с флагами, множество людей в самых разнообразных одеждах, запаха мясной похлёбки и свежей стружки. Ку рванула было вперёд рассмотреть поближе, но Йон удержала её за рукав.

– погоди! Давай запомним, где та дверь!

Оказалось, они вышли из шатра в синюю и белую полоску с алым петушком на флаге. Йон сорвала пучок травы, привычным движением смотала куколку и прищипила её булавкой к полотнищу шатра слева от входа.

Шатры стояли ровными рядами, образуя не менее ровные улицы. По улицам сновали женщины и дети. Лица у большинства были хмурыми и усталыми. Ни капли ярмарочного веселья. Никаких зазывал, скоморохов и петушков на палочках. Пару раз в сестёр врезались мрачного вида тётки. Обе, увидев, на кого наткнулись, разразились бранью.

Улица закончилась небольшой площадью. В сложенном из камней очаге пекла лепёшки пухлая женщина в городском платье, пёстром фартуке, и в напоминавшем колокольчик чепце. Сёстры остановились рядом и дружно принялись.

– Ужин будет на закате, – крикнула им лепёшечница. – Приходите позже.

– Впрочем, – пригляделась она к близняшкам. – Если поможете раскатывать тесто, получите по лепёшке прямо сейчас.

Она казалась не злой. И очень уютной. А лепёшки пахли так, что завтрак бабы Нью был сразу позабыт. Сёстры решительно засучили рукава, вымыли руки в кадучке с водой, обмотались фартуками и схватили по скалке. Раскатывали на здоровенном плоском камне.

– Умеете! – похвалила лепёшечница. – Мой папенька, царствие ему небесное, всегда говорил: «Анетта, запомни, чем больше умеешь, тем спокойней живёшь!» Меня, кстати, Анетта зовут. Так вот, я могла бы выйти замуж – семью-то нашу уважали, да и приданое было вполне себе, но я училась у папеньки искусству булочника. И видели бы вы мою булочную! В переулке у Соборной площади, просторная, весёлая. Весь город покупал мои плюшки с корицей! У кого заказывали свадебные караваи? У тётушки Анетты. А медовые коврижки! Вот молодцы, взяла бы обеих в ученицы, да нет теперь моей булочной. Говорят, весь город пожгли.

Она смахнула слезу и продолжила:

– Но руки-то мои со мной, так? Будет у меня собственная печь, и дом, и прилавок. И вас обучу, только скажите. А вы, кстати, откуда?

– Из Южной Чалки, – ответила Ку, стряхивая муку с ладони.

– То-то я смотрю, не видела вас раньше. Таких чернявых не забудешь. Заплутали, небось? Ваши, приморские, за той рощей. – Пухлая рука махнула в сторону зелёных верхушек. – А здесь вся долина – из нашего Холмеца. Все, кто остался в городе, услышав королевский приказ, подхватились и ушли, как один. А ваших – меньше сотни со всего побережья. Но вы-то вон здесь. А родители ваши, тоже?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.